КАЛУГА
ТВЕРЬ
ТУЛА
ТОРЖОКЪ

Изданіе Т-ва. Образованіе.

Культурныя сокровища Россіи.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

Ю. и З. ШАМУРИНЫ.

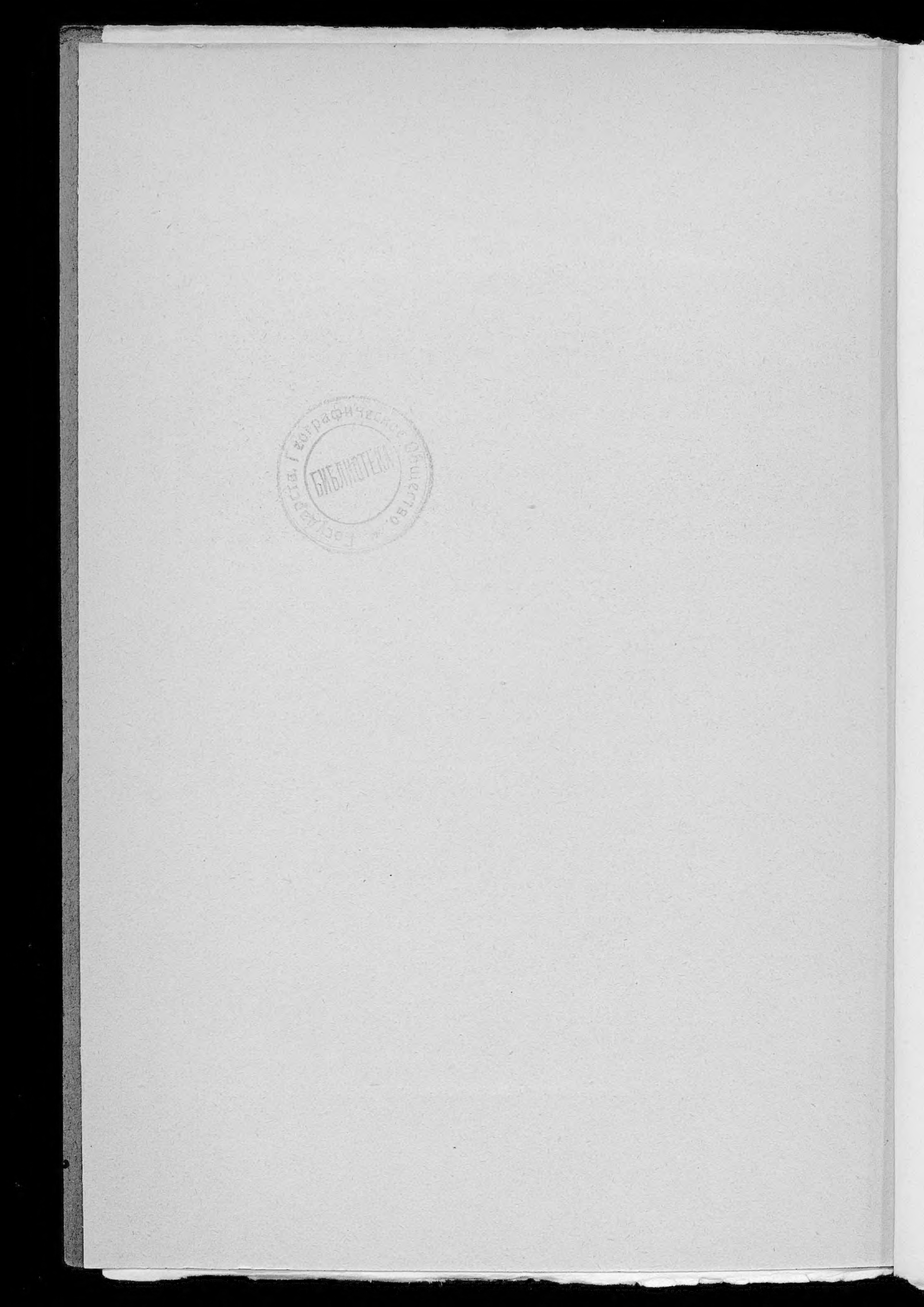
Калуга.
Тверь.
Тула.
Торжокъ.

Изданіе Т-ва «ОБРАЗОВАНІЕ».
Москва.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Церковь Георгія за верхомъ. 1701 годъ.

Четверть вѣка тому назадъ исторія русской архитектуры обыкновенно обрывалась на времени царя Алексѣя Михайловича. Далѣе шла, по мнѣнію изслѣдователей, «эпоха упадка самобытнаго русскаго зодчества», затѣмъ «подражательное придворное искусство XVIII-го вѣка», затѣмъ время «псевдоклассицизма»...

Красивымъ считалось только зодчество XVII-го вѣка, да попытки его реставраціи въ XIX-мъ, «псевдоклассическія» же зданія — дворянскіе особняки и церкви съ колоннами, величественныя колоннады Росси и Захарова — все это презиралось въ качествѣ «казенной», «казарменной» архитектуры.

Но прошло десять—двадцать лѣтъ. Нашлись люди, полюбившіе «крѣпостническую» архитектуру XVIII-го вѣка и «псевдоклассицизмъ», сумѣвшіе убѣдительно разсказать о красотѣ этихъ пасынковъ русскаго творчества—и общественные вкусы рѣзко измѣнились: стала понятной поэтическая прелесть усадебъ и московскихъ барскихъ особняковъ, величіе и пышность замысловъ Растрелли, «русскій классицизмъ» Казакова, Захарова и Воронихина. Еще такъ недавно безжалостно разрушались классическіе особняки, перестраивались колоннады; теперь даже въ газетахъ бульварнаго типа принято восхищаться и призывать къ защитѣ «драгоцѣнныхъ памятниковъ прошлаго—милыхъ особняковъ нашихъ бабушекъ по переулкамъ Арбата и Пречистенки»...

Такой же перемѣны вкусовъ по отношенію къ себѣ, такой же переоцѣнки установившихся взглядовъ ждетъ еще русская провинція.

Столицы теперь легко признаются хранилищами художественныхъ памятниковъ, наслоеніями многовѣковой культуры. Въ провинціи же до сихъ поръ живетъ неистребимо добродушно-ироническое отношеніе къ

своему «богоспасаемому граду». Провинція кажется средоточіемъ вѣковой пошлости, вѣчнымъ захолустьемъ — и страннымъ чудакомъ показался бы тотъ, кто въ поискахъ за художественными впечатлѣніями отправился бы бродить по Тулѣ, Нижнему, Твери, Астрахани и т. п.

Такой взглядъ несправедливъ и основывается больше всего на незнаніи того, что въ глухихъ городахъ русской провинціи предшествовавшіе вѣка оставили немало художественныхъ памятниковъ, способныхъ украсить Москву и Петербургъ...

Кромѣ незнанія въ этомъ отрицаніи мѣстнаго, близкаго, находящагося подъ руками, есть и нѣкоторое недовѣріе къ провинціи, нежеланіе быть безпристрастнымъ. Классическія церкви Москвы входятъ, какъ достопримѣчательности, даже въ десятикопеечные путеводители, ими любуются тѣ, кто, навѣрно, равнодушно проходитъ мимо дивныхъ классическихъ соборовъ Торжка, Арзамаса, Могилева.

Имя и геній Растрелли извѣстны каждому интеллигентному русскому человѣку, но никто въ Тулѣ не остановится въ Ломовскомъ переулкѣ передъ прекрасными воротами, созданными по его проекту!

Провинціальные города центральной Россіи сравнительно бѣдны памятниками XVII-го вѣка, конечно, если исключить Ярославскую, Костромскую и Московскую губерніи. Бѣдны не столько количествомъ, сколько качествомъ. Но XVIII-й вѣкъ и особенно начало XIX-го представлены отличными памятниками, если и уступающими въ размѣрахъ петербургскимъ и московскимъ зданіямъ, то часто превосходящими ихъ по степени художественнаго интереса. Не говоря объ усадьбахъ, разсѣянныхъ по всей Россіи, можно указать на церкви, монастыри, часовни, заставы, торговые ряды, тріумфальныя арки, казенныя зданія и частные дома, созданные отличными художниками эпохи классицизма въ самыхъ захолустныхъ городахъ Россіи.

Болѣе богатыми художественными памятниками, какъ и слѣдовало ожидать, оказываются города губерній, сопредѣльныхъ съ Московской: Тульской, Калужской, особенно Тверской.

Не имѣя возможности на этихъ страницахъ описать всѣ интересные города этихъ губерній и не желая частичнымъ изученіемъ ослабить интересъ къ нимъ другихъ изслѣдователей, мы беремъ въ этомъ выпускѣ только четыре города—Тверь, Калугу, Тулу и Торжокъ.

Тверь, обстроенная цѣликомъ въ царствованіе Екатерины II, полна памятниковъ переходной полосы русской архитектуры на пути ея къ развитому классицизму Александровской эпохи; здѣсь есть работы Валленъ Деламота, лучшаго мастера первыхъ годовъ Екатерининскаго царствованія; здѣсь работалъ Казаковъ, пріѣхавшій въ Тверь молодымъ архитекторомъ,

только что кончившимъ свой учебный періодъ, и уѣхавшій отсюда зрѣлымъ мастеромъ, смѣнившимъ въ Москвѣ В. И. Баженова.

Въ Калугѣ сохранилось много особняковъ начала XIX-го вѣка, не уступающихъ лучшимъ московскимъ особнякамъ.

Въ Тулѣ, кромѣ памятниковъ XVI-го и XVII-го вѣковъ, не мало отличныхъ созданій XVIII-го вѣка, сравнительно рѣдкихъ въ русской провинціи.

Наконецъ Торжокъ—одинъ изъ любопытныхъ городовъ Россіи. Это городокъ разноцвѣтныхъ деревянныхъ домиковъ, пыльныхъ уѣздныхъ улицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ городъ прекрасныхъ классическихъ соборовъ. Какимъ то чудомъ эти созданія разныхъ эпохъ и разныхъ культуръ сливаются въ одно оригинальное и единственное по силѣ впечатлѣнія цѣлое—классическаго города Торжка...

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Домъ Коробовыхъ. Конецъ XVII-вѣка.

Калуга.

Калуга—одинъ изъ красивыхъ городовъ русской провинціи. Красивыхъ не только по расположенію, что не является рѣдкостью, но своими прямыми широкими улицами, массой зелени, художественными постройками. Лучше чѣмъ всякія теоретическія доказательства Калуга разбиваетъ установившееся крѣпко мнѣніе, что провинціальный городъ—обиталище скуки, собраніе нелѣпыхъ домовъ, похожихъ на казармы или ящики, грязныхъ кривыхъ улицъ и переулковъ...

Расположена Калуга по берегу Оки на высокомъ косогорѣ. Съ противоположнаго берега, тоже высокаго, красива панорама города съ свѣтлѣющими среди деревьевъ главами колоколенъ и церквей, съ невысокими домами и протекающей по глубокой долинѣ Окой. Въ городѣ хороши правильно распланированныя въ Екатерининскія времена улицы, сады, бульвары, поросшіе вѣковыми деревьями овраги, такъ неожиданно и красиво нарушающіе строгую планировку улицъ, придающіе городу живописный и уютный видъ.

Уютъ и какое-то тихое спокойствіе — главныя впечатлѣнія Калуги. Великолѣпныя казенныя и частныя зданія конца XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка, возникшія въ эпоху увлеченія грандіозностью и величіемъ въ архитектурѣ, на улицахъ Калуги смягчились, утратили холодный блескъ и торжественность, стали болѣе уютными, болѣе похожими на жилища простыхъ людей, а не земныхъ боговъ. Можетъ быть потому, что не такъ велики ихъ размѣры, можетъ быть потому, что мало торжественности въ окружающей, слившейся съ ними, обстановкѣ. Но утративъ величіе, калужскія казенныя учрежденія, дома и особняки не утратили красоты своихъ столичныхъ прототиповъ. Въ нихъ не только бытовой интересъ милыхъ «домиковъ съ колоннами»; такія строенія, какъ домъ Кологривовыхъ, государственный банкъ и нѣкоторыя другія, могутъ дать минуты художественнаго восторга.

До сихъ поръ еще Калуга довольно точно сохранила обликъ города Екатерининскихъ и Александровскихъ временъ: первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ городъ—застава, «Екатерининскія ворота», расположенныя на срединѣ Московской улицы, теперь быстро застраивающейся, но когда-то бывшей Московскимъ шоссе. Потомъ прямыя, очень длинныя улицы, такія непривычныя для москвича, привыкшаго къ кривымъ переулкамъ и неожиданно вырастающимъ тупикамъ; дальше раздѣляющій городъ на двѣ части оврагъ съ стариннымъ мостомъ віадукомъ и недалеко отъ него зданіе присутственныхъ мѣстъ со своими оригинальными проѣздными арками, классическій соборъ и рядъ частныхъ красивыхъ домовъ.

На площади, въ центрѣ города тянутся рядами зданія Гостиннаго двора; здѣсь когда-то сосредоточивалась вся торговля города. Дальше опять то тамъ, то здѣсь попадаются на улицахъ характерныя постройки 18-го и начала 19-го вѣковъ...

Городъ, насчитывающій около семи вѣковъ существованія, Калуга тѣмъ не менѣе мало сохранила памятниковъ глубокой старины. Все, что строилось въ ней въ XV, XVI и началѣ XVII-го вѣковъ, разрушалось непріятелями, уничтожалось частыми пожарами. Да и строилось ли что нибудь художественно-значительное? Въ тѣ вѣка Калуга не играла крупной роли, не имѣла ни политическаго, ни торговаго значенія.

Отъ второй половины XVII-го вѣка въ Калугѣ сохранилось нѣсколько красивыхъ церквей и самый любопытный памятникъ ея — старый домъ Коробовыхъ. Но разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ строенія XVII-го вѣка мало измѣняютъ обликъ Калуги, не придаютъ ей обаянія сѣдой старины: ихъ приходится разыскивать, они затериваются среди ясныхъ построекъ эпохи empir'а и общей массы современныхъ домовъ.

Калуга никогда не знала блестящей исторіи. Она никогда не была городомъ или княжествомъ, вершившимъ судьбы Россіи, и имя ея на страницахъ лѣтописи встрѣчается крайне рѣдко. Впервые Калуга упоминается въ 1389 году, въ завѣщаніи Дмитрія Донского. Первое время своего существованія она, повидимому, была небольшимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, построеннымъ для защиты граничащихъ съ Литвой московскихъ предѣловъ. Окружавшая городъ крѣпость, или острогъ, съ двѣнадцатью деревянными башнями сгорѣла въ 1754 году и больше не возобновлялась: шедшіе вокругъ нея рвы были постепенно засыпаны. Но еще въ первомъ десятилѣтіи XIX-го вѣка были замѣтны слѣды стѣны и земляного вала, которымъ она была обнесена.

До княженія Іоанна III-го Калуга была только волостью, «отъѣзжимъ мѣстомъ» Можайска, вмѣстѣ съ которымъ она переходила отъ одного князя къ другому; при Іоаннѣ-же она отходитъ къ московскому великому кня-

Калуга. Московскія ворота. 1775 г.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

жеству, а въ 1465 году была отдана вмѣстѣ съ Тарусcой и Суздалемъ бѣжавшему отъ польскихъ преслѣдованій Черниговскому епископу Евфимію. Въ 1505 году Калуга въ первый разъ дѣлается самостоятельнымъ княжествомъ: Іоаннъ III-й завѣщалъ ее, какъ удѣлъ, своему младшему сыну Симеону.

Это не увеличило значенія Калуги: попрежнему она остается маловамѣтнымъ городомъ, о которомъ въ лѣтописяхъ упоминается только при разсказахъ о нападеніи на него враговъ. Послѣ смерти Симеона Калуга опять отходитъ къ Москвѣ и на этотъ разъ навсегда; правда, Борисъ Годуновъ отдалъ ее было сыну Шведскаго короля Густаву, но въ томъ же году она была у него отобрана.

Въ эпоху Смутнаго времени Калуга стала мѣстомъ пребыванія самозванцевъ и ихъ приверженцевъ. Хорошая крѣпость, находящаяся къ тому же на пути къ казацкому югу, она была очень удобна для нихъ. Первымъ, засѣвшимъ въ Калугѣ, былъ Болотниковъ, приведшій съ собой въ городъ «всякихъ людей огненнаго боя больше десяти тысячъ». Калуга стала ареной военныхъ дѣйствій между шайкой Болотникова и отрядами московскаго правительства. Осада тянулась продолжительное время, пока наконецъ Болотниковъ не былъ выданъ кѣмъ-то изъ своихъ приверженцевъ.

Спустя немного, почувствовавъ шаткимъ свое положеніе въ Тушинѣ, въ Калугу бѣжалъ Лжедимитрій II-ой, такъ называемый Тушинскій воръ, а вслѣдъ за нимъ и его сторонники «воры-казаки» и Марина Мнишекъ. Въ Калугѣ же самозванецъ и умеръ въ 1610 году.

Изъ всего бывшаго въ городѣ, народная память особенно ярко запомнила эпизоды смутнаго времени, жизнь въ Калугѣ самозванцевъ и пребываніе въ ней Марины Мнишекъ; до сихъ поръ еще старинный домъ Коробовыхъ слыветъ среди калужанъ дворцомъ Марины...

XVII-й вѣкъ ничего не далъ Калугѣ, кромѣ несчастій; это былъ одинъ изъ худшихъ въ ея жизни вѣковъ. Едва оправившись отъ самозванцевъ, она въ 1618 году подвергается опять страшному разоренію отъ овладѣвшаго ею во время первой польской войны гетмана Сагайдачнаго.

Въ 1622 году пожаръ истребилъ больше половины города. Несмотря на то, что въ 1615 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ по челобитной калужскихъ посадскихъ людей «ради ихъ бѣдности и раззоренія» освободилъ ихъ на три года отъ разныхъ податей, городъ былъ въ очень печальномъ положеніи: въ 1626 году на посадѣ на 273 двора приходилось 102 обнищалыхъ.

Повторяющіеся постоянно пожары и бывшее въ 1654 году моровое повѣтріе лишило Калугу большей части ея жителей. Городъ обезлюдѣлъ до такой степени, что въ 1658 году царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ находящееся въ трехъ верстахъ отъ Калуги село Спасское-Новое

со всѣми угодьями и людьми приписать къ Калужскому посаду. Впослѣдствіи жители Спасскаго переселились въ городъ.

Къ концу XVII-го и началу XVIII-го вѣковъ Калуга оправилась и стала богатымъ и торговымъ городомъ. Отъ XVII-го вѣка сохранились указанія на дѣятельность калужской таможни, дающія возможность предполагать, что въ Калугѣ существовало крупное торговое движеніе и были многочисленные торговые склады. «Калужане съ давнихъ временъ почитаются купечествующимъ народомъ, — пишетъ въ 1804 году одинъ изъ историковъ Калуги [1])—и производятъ торгъ не только внутри своего отечества, но и со многими иностранными народами».

Какъ обширна была торговля калужскихъ купцовъ въ XVII вѣкѣ видно изъ того, что мѣстные богачи Коробовы, вліятельные люди, неоднократно занимавшіе выборныя должности, вели широко торговлю хлѣбомъ, солью и пенькой. Въ цѣломъ рядѣ городовъ, разбросанныхъ по разнымъ концамъ Россіи — въ Сѣвскѣ, Глуховѣ, Орлѣ, Москвѣ, Нижнемъ и т. д., они имѣли не только амбары и склады товаровъ, но и дома со всевозможными надворными постройками [2]) Возможно, что Коробовы были выдающимися по богатству купцами, но, конечно, они не были единственными, ведшими торговое дѣло въ широкихъ размѣрахъ.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на богатство своихъ обитателей, Калуга почти до самыхъ послѣднихъ годовъ XVII вѣка не знала каменныхъ построекъ; даже церкви строились изъ дерева и только впослѣдствіи замѣнялись каменными. Городъ былъ собраніемъ лачужекъ, наскоро сколоченныхъ, легко сгорающихъ и также легко возстановляемыхъ. До 60-ыхъ годовъ XVIII-го вѣка Калуга горѣла чуть ли не черезъ каждыя десять лѣтъ; дома уничтожались цѣлыми сотнями; напримѣръ, въ пожаръ, бывшій въ 1754 г., сгорѣло 1200 домовъ, всѣ лавки и 14 церквей.

Послѣ каждаго пожара городъ отстраивался почти заново, нисколько не улучшаясь однако, все также ютясь въ страшной тѣснотѣ и являя собою «безобразную кучу, безъ всякой удобности и красоты».

Первая половина XVIII-го вѣка не ознаменовалась для Калуги ничѣмъ, кромѣ пожаровъ, если не считать голода, посѣтившаго городъ въ 1723 и 1733 годахъ, да тянувшейся двадцать съ лишнимъ лѣтъ ссоры гончаровъ съ другими ремесленниками, ссоры, раздѣлившей чуть ли не все населеніе на двѣ враждующихъ партіи: берендяковъ и гончаровъ [3])...

Возведеніе въ 1713 году Калуги на степень главнаго города Калужской провинціи, входившей въ составъ Московской губерніи, не повліяло

[1]) „Уранія“ 1804 г., ст. Зельницкаго.

[2]) „Зодчій“ за 1874 г., замѣтка Рошфора о домѣ Коробовыхъ.

[3]) „Прошлое и настоящее Калужской губерніи“ 1867 г.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Калуга. Гостиный дворъ. Конецъ 1770-ыхъ годовъ.

на улучшеніе ея наружнаго вида: попрежнему она остается большимъ, красиво расположеннымъ, но бѣднымъ постройками и грязнымъ, преимущественно деревяннымъ, городомъ.

Еще въ 1760 году внутри города, въ чертѣ прежней крѣпости, «всѣ почти строенія были деревянныя и ветхія: таковы воеводскій домъ почти на углу у горы, что къ садкамъ рыбнымъ, канцелярія, острогъ и обывательскіе дома. Изъ послѣднихъ большая часть принадлежала отставнымъ солдатамъ, сторожамъ, подъячимъ. Это были избенки, огороженныя кольями и плетнями. Порядочныхъ мѣщанскихъ и купеческихъ домовъ не было и 30-ти» [1]). Только три-четыре главныхъ улицы были вымощены частью деревомъ, частью камнемъ и имѣли болѣе или менѣе приличную ширину; всѣ остальныя были узки, кривы, грязны и дома на нихъ были расположены необычайно тѣсно.

Въ 1775 году Калугу посѣтила императрица Екатерина II; какъ говоритъ преданіе, она пріѣзжала исключительно для обозрѣнія города. Вѣроятно, онъ понравился ей красотой своего мѣстоположенія, по крайней мѣрѣ императрица приказала построить дворецъ на случай ея пріѣздовъ, а въ 1777 году Калуга была сдѣлана намѣстническимъ городомъ вновь открытаго Калужскаго намѣстничества.

Назначенный намѣстникомъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, вполнѣ человѣкъ своего времени, блестящій придворный, влюбленный въ красоту и пышность двора, позаботился обставить открытіе намѣстничества невиданнымъ въ тихой Калугѣ торжествомъ и блескомъ. Нѣсколько дней почти безпрерывно устраивались балы, обѣды, маскарады, театральныя зрѣлища. Первое впечатлѣніе, произведенное на патріархальныхъ калужанъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, было ошеломляющее...

Но немного времени спустя привыкли, оцѣнили и весь укладъ жизни сталъ быстро мѣняться.

Калуга преображалась. Въ 1778 году императрицей былъ утвержденъ новый планъ города, по которому улицы измѣнили направленіе, стали за немногими исключеніями широкими и прямыми; нѣкоторыя церкви были перенесены на другія мѣста; старыя безобразныя казенныя зданія: гауптвахта, канцелярія, воеводскій домъ были разобраны и на ихъ мѣстѣ выстроено громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ и домъ для намѣстника. Изъ центра города старыя деревянныя лавки были снесены на хлѣбную площадь, а вмѣсто нихъ поставлено обширное каменное зданіе торговыхъ рядовъ.

Энергичный правитель Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ (бывшій въ Калугѣ до 1790 года) много работалъ надъ благоустройствомъ города: при немъ выстроена или по крайней мѣрѣ начата постройкой большая часть существующихъ донынѣ казенныхъ зданій.

---

[1]) *Щекатовъ*. Географическій словарь. 1804 г.

Царствованіе Екатерины II-ой—эпоха процвѣтанія для Калуги. Мѣстные дворяне и богатые купцы, столичные сановники, удалившіеся на покой въ тихій и красивый провинціальный городъ, всѣ наперебой торопятся строить себѣ роскошные дома, поручаютъ изготовленіе проектовъ для нихъ московскимъ архитекторамъ или заказываютъ мѣстнымъ доморощеннымъ мастерамъ, давая въ образецъ произведенія крупныхъ художниковъ.

«Ощутительно калужане съ 1777 года перемѣнили какъ образъ мыслей, такъ и въ поступкахъ и въ обхожденіи—пишетъ авторъ издававшейся въ 1804 году въ Калугѣ «Ураніи»—примѣтно воспріяли совсѣмъ новое преобразованіе: самая одежда, экипажи, пища, пиры и увеселенія появились въ новомъ видѣ». Тогда какъ до того времени «нравы ихъ были просты», а обычаи лишены всякаго «политическаго обхожденія». Однимъ изъ проявленій перемѣнившихся вкусовъ было «строеніе огромныхъ и великолѣпныхъ домовъ».

Всѣ писавшіе о Калугѣ начала XIX-го вѣка отмѣчаютъ это рѣдкое для провинціальнаго города обиліе художественныхъ построекъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ. «Въ городѣ имѣется около 500 каменныхъ домовъ, пишетъ въ 1805 году фонъ-Гунъ [1]),—изъ коихъ нѣкоторые въ самомъ дѣлѣ столь хороши, что и въ Петербургѣ могли бы занимать мѣсто не между послѣдними».

Отдаетъ должное красотѣ калужскихъ зданій и Зельницкій—авторъ описанія города, помѣщеннаго въ «Ураніи»: «Изъ обывательскихъ многіе дома заслуживаютъ вниманія какъ по красотѣ, такъ и удобности строенія, нѣкоторые изъ нихъ весьма огромные и доказываютъ знаніе вкуса въ изящной архитектурѣ»...

Во время строительной горячки, охватившей калужанъ, все строилось «въ новомъ вкусѣ», но къ сожалѣнію, многое изъ дерева. Деревянными были: воспитательный домъ—«домъ для нещастно рожденныхъ», по тогдашней терминологіи; домъ для губернатора; домъ «посвященный Таліи и Мельпоменѣ»—театръ и много другихъ.

Большинство этихъ строеній не сохранилось до нашихъ дней; испорчены временемъ и позднѣйшими поновленіями и нѣкоторые каменные Екатерининскіе и Александровскіе дома, но то, что сохранилось, такъ хорошо, такъ художественно и совершенно, что не кажутся преувеличенными восторженные отзывы современниковъ!

Но правдивый и безпристрастный наблюдатель Фонъ-Гунъ, отдавая дань восхищенія красотѣ Калуги, отмѣчаетъ въ ней и нѣчто другое. «Калуга во многихъ отношеніяхъ есть совершенное подражаніе Москвѣ.

---

[1]) *Фонъ-Гунъ.* Поверхностныя замѣчанія по пути изъ Москвы въ Малороссію. М. 1806 г.

Вездѣ худое сопутствуетъ хорошему; такъ, напримѣръ, видны подлѣ прекраснѣйшимъ домовъ самые бѣдные, подлѣ наилучшихъ, вымощенныхъ улицъ прегрязные переулки». Объ освѣщеніи улицъ «здѣсь и помышлять не должно», а грязь на немощенныхъ улицахъ такая, «что ежели сосѣдъ вздумаетъ идти къ сосѣду, не далѣе двухъ или трехъ сотъ шаговъ отъ него живущему, то долженъ обходить версты двѣ или три».

За сто съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ съ того времени какъ Фонъ-Гунъ былъ въ Калугѣ, она измѣнилась мало. Улицы освѣщаются, конечно, и нѣтъ на нихъ легендарной грязи, но такъ же, какъ и раньше,—«худое вездѣ сопутствуетъ хорошему»: также рядомъ съ прекрасными зданіями стоятъ некрасивыя, незамѣтныя современныя постройки, также рядомъ съ прямыми широкими и чистыми улицами начинаются грязные переулки.

Это медленное развитіе Калуги имѣетъ и свою хорошую сторону: оно дало возможность городу сохранить характерный, полученный къ началу прошлаго вѣка, обликъ, не загромоздило его улицъ многоэтажными доходными домами, не стѣснило ими стройныя классическія зданія...

Всю первую половину XIX-го вѣка Калуга остается сравнительно культурнымъ провинціальнымъ городомъ. Въ 40-ыхъ годахъ калужскимъ губернаторомъ былъ Н. М. Смирновъ, мужъ извѣстной А. О. Смирновой урожденной Россетъ), одной изъ интересныхъ русскихъ женщинъ, пріятельницы Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и другихъ выдающихся людей ея времени. Переѣхавъ въ Калугу, она не порвала связей съ петербургскимъ своимъ кружкомъ и въ Калугѣ бывали у нея Гоголь и другіе.

Теперь домъ, гдѣ жила Смирнова и гдѣ бывали ея знаменитые современники, превращенъ въ казармы. Отъ уютной усадебной постройки—стариннаго лѣтняго губернаторскаго дома въ Пушкинскомъ загородномъ саду—не осталось и слѣда. На ея мѣстѣ выросъ рядъ однообразныхъ, безконечно скучныхъ, казарменныхъ зданій. Въ саду же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бывшаго губернаторскаго дома, стоитъ деревянный, покосившійся, полуразваленный, одноэтажный домъ съ мезониномъ, гдѣ по преданію жилъ Гоголь.

Нѣсколько церквей, построенныхъ въ 1680—1750-ыхъ годахъ, и любопытный образецъ древне-русскаго гражданскаго зодчества—домъ Коробовыхъ—вотъ то немногое, что сохранилось отъ старой Калуги.

Самая древняя изъ городскихъ каменныхъ церквей—церковь Рождества Христова, построенная въ 1653 году. Остальныя — болѣе поздняго происхожденія, частью первой половины XVIII-го вѣка, что не мѣшаетъ имъ, однако, опредѣленно отражать характерныя черты церковнаго строительства предыдущаго вѣка. Этому причиной — подмѣченный авторомъ «Ураніи» и другими—нѣкоторый присущій калужанамъ консерватизмъ въ вопросахъ религіознаго свойства.

Такъ легко воспріявшіе и подчинившіеся вполнѣ эстетическимъ вкусамъ столицы въ гражданскомъ строительствѣ, въ церковномъ—калужане долгое время придерживаются старыхъ традицій, строятъ церкви такъ, какъ строили ихъ отцы и дѣды. Классическихъ церквей мало въ Калугѣ. Церкви здѣсь выстроены «большей частью по старинному образцу Готической архитектуры»... — пишетъ авторъ описанія Калуги въ «Ураніи». «Внутри украшены писаніемъ греческаго искусства. Итальянская или подобная оной живопись по предразсудку жителей не въ употребленіи».

Ту же приверженность калужанъ къ старинѣ отмѣтилъ и В. Зуевъ въ своихъ «Путешественныхъ запискахъ» [1]): «строеніе церковное, пишетъ онъ, какъ внутри, такъ и снаружи по большей части старинное: образа и украшенія внутри здѣланы больше на древній вкусъ нежели на нынѣшній».

Причину косности калужанъ въ вопросахъ церковнаго зодчества Зуевъ видитъ въ широко распространенномъ въ городѣ и его окрестностяхъ расколѣ. Онъ пишетъ въ своихъ Запискахъ: «пожилые мужики здѣсь вообще старинной твердости въ вѣрѣ и особливой привязанности къ благочестію, почему нерѣдко по горячей своей набожности не изъ чего иного, какъ изъ укоротанія пути къ спасенію впадаютъ въ расколъ».

Послѣ столькихъ трудовъ, посвященныхъ эпохѣ расцвѣта русскаго церковнаго зодчества, прекраснымъ памятникамъ XVII-го вѣка, сохранившимся въ Ростовѣ и Поволжьѣ, излишнимъ повтореніемъ было бы описаніе въ этой книгѣ калужскихъ старинныхъ церквей. Нѣсколько разнясь, конечно, отъ поволжскихъ или московскихъ церквей въ деталяхъ, въ отдѣлкѣ, въ степени мастерства, церкви XVII-го вѣка, сохранившіяся въ Калугѣ, въ основныхъ чертахъ совершенно съ ними сходятся. Тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ строились, вѣроятно, московскими мастерами. По крайней мѣрѣ извѣстно, что надъ сооруженіемъ одной изъ лучшихъ и наиболѣе характерныхъ калужскихъ церквей — церкви Георгія за верхомъ работали мастера, вызванные изъ Москвы.

Постройку церкви Воздвиженія, называемой обычно по одному изъ предѣловъ Георгіевской, а по мѣсту положенія—за Верхомъ, относятъ къ 1701 г. [2]).

До того времени она встрѣчается въ описяхъ 1626-го и 1685-го годовъ, но значится по нимъ деревянной.

Въ настоящемъ своемъ видѣ это—красивая пятиглавая церковь, двухъэтажная, окруженная съ трехъ сторонъ галлереями съ открытыми всходами, съ трехъ ярусной шатровой колокольней. Надъ сооруженіемъ Георгіев-

---

[1]) *В. Зуевъ.* Путешественныя записки. СПБ. 1781 г.

[2]) *М. Преображенскій.* Памятники древне-русскаго зодчества въ Калужской губерніи.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Калуга. Проѣздная арка зданія присутственныхъ мѣстъ. 1780-ые годы.

ской церкви работали московскіе мастера и, несмотря на нѣсколько путанное общее впечатлѣніе, сходство отдѣльныхъ ея частей съ хорошими образцами московскаго строительства конца XVII-го вѣка бросается въ глаза. Очень типичны отличная колокольня и обработка кирпичными узорами западной стѣны.

Нѣсколько необычной, тѣмъ болѣе въ московскомъ строительствѣ, является открытая на аркахъ галлерея, изуродованная теперь вставленными въ ея пролеты съ сѣверной стороны рамами. Надъ галлереей поднимается стройная масса церкви.

Очень хороши по затѣйливому рисунку наличники оконъ, обработанные съ тѣмъ богатствомъ узора и разнообразіемъ формъ, которые отличаютъ московское строительство конца XVII-го вѣка.

Наличники оконъ не являются единственнымъ украшеніемъ стѣнъ; по верху ихъ идетъ довольно широкій поясъ карниза, а надъ нимъ рядъ раковинъ — своеобразной формы итальянскаго Возрожденія, принесенной въ Москву строителемъ Архангельскаго собора Алевизомъ и охотно повторявшейся, правда, въ значительно упрощенномъ видѣ, московскими мастерами XVII-го вѣка; скорѣе конца его, когда вывелись уже изъ употребленія закомары и ихъ по традиціи смѣнили нѣсколько похожія на нихъ по декоративному эффекту раковины...

Очень простая по основнымъ своимъ формамъ церковь Георгія кажется нарядной благодаря обильной декораціи стѣнъ. Главы церкви не принадлежатъ къ лучшимъ ея кускамъ: непомѣрно высоки и толсты барабаны и некрасивы перетяжки самихъ главъ. Но странно, глазъ легко мирится съ ними и даже больше: замѣняя мысленно маленькія главки Георгіевской церкви обычными крупными, московскими куполами видишь, что она мало выиграла бы отъ этой замѣны.

Зато великолѣпна колокольня, обычнаго для московскаго строительства XVII-го вѣка типа, но рѣдкой по красотѣ композиціи.

Только въ консервативной, полу-раскольничьей Калугѣ, крѣпко цѣплявшейся за старину, могла въ началѣ XVIII-го вѣка возникнуть такая церковь чистаго старо-московскаго стиля, отсталая на нѣсколько десятилѣтій, пропустившая, пожалуй, если не считать главъ, въ которыхъ есть что-то барочное, всѣ пріобрѣтенія русскаго зодчества конца XVII-го столѣтія...

По сохранившимся въ большинствѣ старинныхъ русскихъ городовъ, не говоря уже о Москвѣ и Поволжьѣ, церковнымъ памятникамъ допетровскаго зодчества легко возсоздать картину послѣдовательнаго развитія русской церковной архитектуры, начиная отъ кіевскихъ великокняжескихъ величественныхъ соборовъ и кончая замысловатыми и пестрыми храмами Москвы XVII-го вѣка.

Изучая и изслѣдуя церковные архитектурные памятники, можно быть разборчивымъ, брать среди нихъ только лучшіе, наиболѣе сохранившіеся, наиболѣе типичные и характерные...

Съ древнимъ гражданскимъ строительствомъ дѣло обстоитъ иначе. Поразительно мало сохранилось въ Россіи допетровскихъ гражданскихъ сооруженій. И то, что́ сохранилось, въ рѣдкихъ случаяхъ древнѣе XVII-го или XVI-го вѣковъ. Причина тутъ въ томъ, что въ древней Руси, кромѣ церквей, только зданія, назначенныя для торжественныхъ случаевъ, царскіе дворцы, митрополичьи и патріаршьи парадные покои, трапезныя палаты богатыхъ монастырей—строились изъ камня. Всѣ остальныя строенія, особенно обывательскіе дома, были деревянными.

При такой бѣдности памятниками гражданской древней архитектуры цѣннымъ представляется все сохранившееся отъ предыдущихъ вѣковъ. Не приходится оставлять безъ вниманія даже зданій, первичный обликъ которыхъ въ значительной степени извращенъ позднѣйшими реставраціями и поновленіями.

Тѣмъ болѣе цѣнными являются гражданскіе памятники въ родѣ калужскаго дома Коробовыхъ, хотя и обветшавшаго и требующаго умѣлой и бережной реставраціи, но все же сохранившаго типичныя особенности богатаго обывательскаго дома конца XVII-го и начала XVIII-го вѣковъ.

Въ домѣ Коробовыхъ цѣнно то, что это не дворецъ, не роскошныя офиціальныя палаты, а памятникъ будничной, ежедневной жизни простыхъ, хотя бы и богатыхъ людей. По такому же типу должны были строиться и всѣ остальные обывательскіе дома въ Калугѣ и въ другихъ городахъ: въ нихъ во всѣхъ должны были быть такія же низенькія, уютныя, сводчатыя горницы, такіе же тайники въ нижнемъ этажѣ, такія же красивыя крыльца и высокія крыши...

Среди деревянныхъ убогихъ калужскихъ лачугъ XVII-го вѣка домъ Коробовыхъ долженъ былъ сильно выдѣляться своей величиной, основательностью и красотой постройки.

Очень вѣроятно, что онъ былъ единственнымъ, кромѣ церквей, каменнымъ зданіемъ въ городѣ. Трудно было послѣдующимъ поколѣніямъ допустить мысль, что этотъ роскошный домъ былъ жилищемъ простыхъ обывателей: онъ казался царскими чертогами и народная молва назвала его дворцомъ Марины Мнишекъ и Тушинскаго вора, единственныхъ людей, которые могли въ старой Калугѣ имѣть дворецъ.

На самомъ дѣлѣ домъ Коробовыхъ построенъ значительно позже, не ранѣе второй половины XVII-го вѣка. Во всѣхъ формахъ своихъ онъ отчетливо отразилъ черты зодчества этой эпохи.

Отсталость Калуги до открытія въ ней намѣстничества, полная неосвѣдомленность ея жителей во всѣхъ художественныхъ вопросахъ, ихъ незнакомство съ новыми вѣяніями въ архитектурѣ, завоевавшими себѣ въ

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Домъ Кологривовыхъ. Начало XIX в.

XVIII вѣкѣ право гражданства въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ, спасли старый домъ Коробовыхъ отъ перестроекъ и приноровленій къ «новому вкусу», къ требованіямъ «изящной архитектуры». Позднѣе научились беречь все оставленное въ наслѣдство прошедшими вѣками: домъ Коробовыхъ сталъ цѣниться, какъ историческій памятникъ, прочно вошелъ въ число «достопримѣчательностей» Калуги...

Домъ Коробовыхъ, или называя его по-калужски домъ Марины Мнишекъ, теперь принадлежитъ городу и занятъ историческимъ музеемъ.

Время его постройки точно не извѣстно, но можно полагать, что оно относится къ 80 или 70 годамъ XVII-го вѣка. На то, что онъ существовалъ уже въ 90 годахъ есть указаніе въ опубликованной гр. Рошфоромъ [1]) раздѣльной записи внуковъ умершаго въ 1691 году Кирилы Иванова Коробова.

Говоря о доставшейся одному изъ братьевъ усадьбѣ — «старой отца нашего дворъ», запись упоминаетъ о находящемся во дворѣ строеніи, подробно перечисляя всѣ его особенности и отличительные признаки: «палаты каменные, жилые противные промежу сѣни, изъ полатныхъ дверей извнутри и изъ сѣнныхъ на крыльцо, а съ крыльца одинъ сходъ подъ крыльцемъ, проходъ въ погребы, подъ полатами погребы и кладовые, въ полатѣ во всехъ окнахъ рѣшетки съ притворы железными и въ верхнихъ окнахъ окончины стеклянные и въ сѣняхъ дверь притворная железная въ полатахъ двѣ печи ценинныя»...

Въ прежнія времена Коробовскій домъ былъ обстроенъ гораздо лучше: у него были галлереи, переходы и т. д.; его окружали надворныя жилыя постройки и службы. Коробовы были богатыми и значительными въ городѣ людьми, дѣятельно отстаивавшими права и привилегіи Калуги, имѣвшими постоянныя сношенія съ Москвой, гдѣ они держали даже своихъ особыхъ ходатаевъ.

Свой современный видъ домъ Коробовыхъ принялъ во время реставраціи, произведенной въ 80-ыхъ годахъ XIX-го столѣтія; тогда крыльцо было покрыто шатровой четырехскатной крышей и сдѣлана была деревянная крытая лѣстница съ двумя рундуками съ лѣвой стороны крыльца: первый при входѣ рундукъ покрытъ шатровымъ верхомъ.

Довольно интересна исторія Коробовскаго дома: онъ принадлежалъ этой семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе до 60-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда умеръ послѣдній изъ Коробовыхъ.

Старый домъ, такъ непохожій мрачной архитектурой на всѣ остальныя нарядныя и ясныя городскія постройки, былъ окруженъ кольцомъ

---

[1]) „Зодчій“ за 1874 г. стр. 27. „Еще о домѣ Коробовыхъ“.

легендъ: говорили о несмѣтныхъ сокровищахъ, скрытыхъ въ его тайникахъ, можетъ быть, еще оставленныхъ самозванцами и Мариной Мнишекъ, о подземныхъ ходахъ, ведущихъ къ церкви Георгія за верхомъ и къ Окѣ.

Странная жизнь послѣдняго обитателя дома, жившаго уединенно, почти не встрѣчаясь съ сосѣдями, еще сильнѣе убѣждала всѣхъ въ мнѣніи что съ этимъ домомъ связана какая-то тайна.

Когда уже нѣсколько дней послѣ смерти Коробова былъ найденъ его трупъ, домъ былъ разграбленъ толпами постороннихъ лицъ, искавшихъ запрятанныхъ драгоцѣнностей и денегъ: были разрушены печи, взломаны полы и потолки, пробиты своды и даже стѣны [1]).

Слѣдующими владѣльцами домъ былъ нѣсколько исправленъ, но съ значительными измѣненіями его первоначальнаго облика: такъ, напримѣръ, были задѣланы арки на крыльцѣ и только съ фасада оставлены два не большихъ окна, крыша на крыльцѣ была сдѣлана на два ската и съ фронтономъ.

Дальнѣйшей реставраціей была уже упоминавшаяся выше реставрація въ 80-хъ годахъ. Послѣдней владѣлицей Е. В. Сухозанетъ домъ былъ подаренъ калужскому дворянству; впослѣдствіи тамъ помѣстился мѣстный историческій музей...

Очень многое въ архитектурѣ Коробовскаго дома говоритъ о второй половинѣ XVII-го вѣка. Правильность плана, свобода и зрѣлость, которыя чувствуются въ каждой части дома, говорятъ объ опытномъ умѣломъ мастерѣ. «Каменное мастерство» стоитъ здѣсь на высокомъ уровнѣ.

Вполнѣ вѣроятнымъ является предположеніе, что домъ Коробовыхъ строили мастера, выписанные изъ Москвы, можетъ быть тѣ самые, что строили церковь Георгія за верхомъ. Тѣмъ болѣе, что есть сходство въ деталяхъ дома и церкви, въ приходѣ которой онъ состоялъ.

Особенно хорошо сдѣланъ передній фасадъ съ выступающимъ высокимъ каменнымъ крыльцомъ, довольно сильно изуродованнымъ, кстати сказать, реставраціями. Этотъ выступъ съ пузатыми столбами и острымъ шатромъ крыши въ серединѣ дома даетъ основную точку.

Стѣны довольно просты: ихъ украшаютъ только карнизъ и нарядные разорванные фронтоны оконъ второго этажа. Въ нижнемъ этажѣ окна самаго распространеннаго типа, съ наличниками въ формѣ валика и треугольнымъ фронтономъ...

Въ этой небольшой статьѣ нѣтъ возможности коснуться даже всѣхъ калужскихъ памятниковъ, возникшихъ въ лучшіе въ жизни этого города годы—въ царствованія Екатерины II и Александра.

---

[1]) Преображенскій. „Памятники древне-русскаго зодчества въ Калужской губерніи".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Ворота дома Кологривовыхъ. Начала XIX в.

Художественное наслѣдство, оставшееся отъ этой эпохи, слишкомъ обширно. Оставляя въ сторонѣ большое количество дворянскихъ и купеческихъ особняковъ, мы будемъ брать только наиболѣе типичныя изъ калужскихъ зданій, только такія, которыя служили образцами для дальнѣйшихъ построекъ.

Все лучшее, созданное въ Калугѣ конца XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка, носитъ на себѣ отпечатокъ творчества крупныхъ московскихъ мастеровъ и больше всего М. Ф. Казакова.

Своимъ теперешнимъ видомъ, правильной распланировкой и обиліемъ прекрасныхъ зданій, Калуга, какъ и громадное большинство провинціальныхъ русскихъ городовъ, обязана императрицѣ Екатеринѣ II.

Страстная любительница архитектуры, поклонница всего красиваго, она заботилась не только объ украшеніи столицъ. Всѣ понравившіеся ей чѣмъ-либо города дѣлались предметомъ ея неустанныхъ заботъ объ ихъ благоустройствѣ: она сама просматривала и утверждала планы ихъ, поручала проекты строящихся зданій лучшимъ своимъ архитекторамъ, не рѣдко посылала ихъ на мѣста для непосредственныхъ работъ по отстройкѣ города.

Побывавъ въ Калугѣ, Екатерина приказала построить тамъ дворецъ на случай ея пріѣздовъ и составленіе проекта его поручила М. Ф. Казакову. Дворецъ и «Московскія ворота»—тріумфальная арка, выстроенная калужскимъ купечествомъ для встрѣчи государыни, первыя въ Калугѣ постройки Екатерининскаго времени. Въ дальнѣйшемъ калужанами словно овладѣла горячка строительства: одинъ за другимъ возникаютъ частные дома и казенныя учрежденія.

Примѣръ подаетъ намѣстникъ Кречетниковъ. Назначивъ его въ Калугу, Екатерина пріобрѣла въ немъ энергичнаго и дѣльнаго помощника: въ громадной степени городъ своимъ благоустройствомъ обязанъ ему.

Самая ранняя Екатерининская постройка—упоминавшіяся выше Московскія ворота. Они довольно просты по своимъ формамъ, но очень типичны для эпохи перехода отъ вычурности предыдущаго царствованія къ спокойствію классицизма, начинавшему прочно завоевывать себѣ симпатіи всѣхъ, кто интересовался и любилъ искусство.

Переходъ отъ барокко къ противоположному эстетическому міровоззрѣнію давался не легко: нужны были долгіе годы исканій, нащупываній, пока не утвердилась классическая эстетика...

По бокамъ Московскихъ воротъ прилѣпились два небольшихъ зданья кордегардіи; по сторонамъ, на нѣкоторомъ разстояніи поставлены два обелиска типичной Екатерининской формы. На воротахъ нѣтъ никакихъ украшеній; формы ясны и просты; можетъ быть это результатъ времени, сокрушившаго всѣ хрупкія украшенія, оставившаго только прочныя основныя формы.

Калужскую арку безусловно строилъ какой-нибудь столичный мастеръ, бывшій вполнѣ на уровнѣ архитектурныхъ вѣяній эпохи.

Сравнительно немногое сохранилось отъ того громаднаго количества новыхъ зданій, которыя строились въ Калугѣ во время намѣстничества Кречетникова. Многое перестроено, многое, будучи построено изъ дерева, обветшало скоро и было разрушено.

Одной изъ первыхъ заботъ Кречетникова о благоустройствѣ города было возведеніе громаднаго въ $74^1/_2$ сажени длиной каменнаго моста, идущаго черезъ живописный поросшій деревьями оврагъ, которымъ городъ дѣлится на двѣ части: «городскую» и «заверхскую».

Такъ описываетъ мостъ восхищенный грандіознымъ сооруженіемъ Зельницкій: «сей мостъ по своей огромности и красотѣ полагается въ числѣ знатныхъ публичныхъ зданій. Онъ стоитъ на каменныхъ аркахъ вышиной въ 11 саженъ»... «обстроенъ чугунными рѣшетками и по мѣстамъ уставленъ фонарями. На немъ выстроено 28 каменныхъ лавокъ, а въ концѣ онаго сооружена пирамида, украшенная гербами уѣздныхъ городовъ» [1]).

Мостъ сохранился до настоящаго времени, но ни каменныхъ лавокъ, ни «пирамиды, украшенной гербами уѣздныхъ городовъ» на немъ уже нѣтъ.

Недалеко отъ моста — зданіе присутственныхъ мѣстъ, соборъ, домъ Кологривовыхъ, предназначавшійся по мало обоснованному мѣстному преданію для остановокъ въ немъ Императрицы, и Гостиный дворъ...

Ветхіе каменные дома стараго острога, гауптвахта, канцелярія и т. д., охранившіеся еще до второй половины XVIII вѣка, были снесены при Кречетниковѣ и на ихъ мѣстѣ выстроено громадное, расположенное четвероугольникомъ вокругъ собора, зданіе присутственныхъ мѣстъ.

Въ настоящее время присутственныя мѣста въ Калугѣ, какъ и въ большей части русскихъ провинціальныхъ городовъ, стали далеко неказисты, но все же привлекаютъ вниманіе величиной своихъ размѣровъ и необычностью грандіознаго замысла.

Они одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ Екатерининскаго строительства. Въ вѣкъ этой Императрицы легко рождались титаническіе замыслы, теперь кажущіеся намъ часто взбалмошными и непрактичными фантазіями...

Такихъ замысловъ много было тогда въ архитектурѣ, но не всѣмъ было суждено быть приведенными въ исполненіе. Не только зданія, но цѣлыя площади и города должны были воздвигаться по проектамъ лучшихъ художниковъ.

Много колоссальныхъ замысловъ такого рода было въ Москвѣ и Петербургѣ, но особенно яркое осуществленіе они получили въ провинціи— въ Твери и Калугѣ.

---

[1]) «Уранія». 1804 г. Калуга.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Домъ Чистоклѣтовыхъ. 1810-ые г.г.

Въ Калугѣ громадная площадь занята зданіемъ присутственныхъ мѣстъ—обширными двухъ этажными, соединенными величавыми проѣздными арками, корпусами, гдѣ сосредоточены всѣ важнѣйшія казенныя учрежденія города. Даже въ настоящемъ своемъ видѣ, облупленныя и ободранныя, мало похожія на величественныя пропилеи, грезившіяся создателямъ ихъ, проѣздныя арки калужскихъ присутственныхъ мѣстъ поражаютъ ясной и красивой композиціей.

Архитектура ихъ очень близка къ архитектурѣ тріумфальныхъ воротъ: тѣ же строгія, простыя колонны, поддерживающія небольшіе аттики. И также, несмотря на уже чисто классическую строгость формъ, въ нихъ чувствуются отзвуки барокко, есть что-то роднящее ихъ съ созданіями Деламота и даже школы Растрелли, такъ любившей эти парныя колонны!

Внутри четвероугольника, образуемаго корпусами присутственныхъ мѣстъ, находится соборъ во имя св. Троицы, заложенный по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ 1786 году, на мѣстѣ разобраннаго стараго, построеннаго въ 1686 году вдовой Анной Петровной Хитрово въ поминовеніе царя Θеодора Алексѣевича.

Въ 90 годахъ XVIII столѣтія постройка пріостановилась на 12 лѣтъ. Работы по сооруженію собора были возобновлены уже при Александрѣ I и закончены къ 1819 году; такимъ образомъ Троицкій Соборъ совершенно не является постройкой Екатерининскаго времени.

Строителемъ его былъ мѣстный губернскій архитекторъ Ясныгинъ, но проектъ по порученію Академіи Художествъ просматривалъ одинъ изъ крупныхъ Александровскихъ зодчихъ профессоръ архитектуры А. Д. Захаровъ.

Вблизи присутственныхъ мѣстъ на площади расположены оригинальной архитектуры корпуса каменнаго Гостиннаго двора, выстроенные при томъ же неутомимомъ въ украшеніи Калуги намѣстникѣ Кречетниковѣ.

Гостинный дворъ выстроенъ въ «готическомъ стилѣ», въ томъ пониманіи его, которое усвоили себѣ русскіе зодчіе эпохи Екатерины II, т.-е. съ нѣкоторой примѣсью формъ древне-русскаго зодчества. Помимо планомѣрнаго органическаго развитія отъ барокко къ классицизму русская архитектура въ серединѣ царствованія Екатерины, около 1780-го года, сдѣлала странный и рѣзкій скачекъ къ увлеченію готикой. Въ Петербургѣ начало этому теченію положилъ Фельтенъ; въ Москвѣ—Баженовъ своимъ проектомъ Царицынскаго дворца и особенно Казаковъ, упрочившій его и повліявшій на многихъ второстепенныхъ мастеровъ.

Такъ же внезапно, какъ появилась, эта готика умерла; ея памятники рѣдки и очень интересны. Психологическое обоснованіе этого неожиданнаго, ни съ чѣмъ предыдущимъ не связаннаго теченія можно найти въ желаніи вернуться къ формамъ древне-русскаго зодчества, въ

представленіи архитекторовъ XVIII вѣка имѣвшаго много чертъ, роднящихъ его съ созданіями средневѣковой готической архитектуры...

Очень часто, даже говоря о памятникахъ до-петровскаго зодчества—о старинныхъ церквахъ, о кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ, писатели конца XVIII и начала XIX вѣка называютъ ихъ выстроенными «по старинному образцу готической архитектуры». Памятниками «русско-готическаго» Екатерининскаго стиля являются: Петровскій и Царицынскій дворцы и крыльцо Чудова монастыря—работы М. Казакова—въ Москвѣ; Гостинный дворъ—въ Калугѣ.

Изъ всѣхъ этихъ строеній калужскій Гостинный дворъ, пожалуй, самый готическій. Правда, своды опирающіеся на круглые приземистые столбы безконечно далеки отъ готики; въ нихъ много родственнаго древнерусскимъ гражданскимъ постройкамъ Новгорода и Пскова, но зато въ украшеніяхъ на фронтонѣ надъ центральными воротами, въ островерхихъ зубцахъ, идущихъ вдоль всего верхняго этажа, въ общемъ впечатлѣніи, наконецъ, есть что-то напоминающее величественныя созданія настоящей готики...

Лучшее, что есть въ Калугѣ, самое цѣнное ея украшеніе—это прекрасные особняки конца XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Ничего болѣе художественнаго ни до того времени, ни послѣ него, не создали зодчіе, работавшіе въ Калугѣ!

Даже въ Москвѣ, богатой красивыми постройками, калужскіе особняки не могли бы остаться незамѣченными; въ Калугѣ же они особенно привлекаютъ вниманіе, потому что ихъ не съ чѣмъ сравнивать и они ярко выдѣляются на общемъ тускломъ фонѣ обывательскихъ строеній.

Въ Калугѣ въ эпоху ея расцвѣта могли работать лучшіе современные архитекторы или непосредственно, или давая только свои проекты. Извѣстно же, напримѣръ, что Казаковъ работалъ надъ домомъ Кологривовыхъ, что Воронихинъ строилъ дворецъ въ Городнѣ въ имѣніи кн. Голицыной, въ 4-хъ верстахъ отъ Калуги.

Выстроенный по проекту крупнаго столичнаго мастера, домъ на долго опредѣлялъ вкусы калужскихъ строителей, дѣлался образцомъ, которому тщательно подражали мѣстные зодчіе.

Одинъ изъ лучшихъ калужскихъ особняковъ—домъ, теперь принадлежащій Кологривовымъ, служившій неоднократно для пріема Высочайшихъ лицъ. Этотъ домъ является цѣлой небольшой усадьбой съ надворными, выдержанными въ томъ же стилѣ, постройками, съ прекраснымъ садомъ. Въ немъ нѣтъ ничего напоминающаго дворецъ: нѣтъ ничего роскошнаго и параднаго, все уютно и интимно, какъ въ хорошемъ барскомъ особнякѣ. Казаковъ, строившій домъ Кологривовыхъ, лучше, чѣмъ кто-бы то ни бы-

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Калуга. Домъ Государственнаго банка. Начало XIX в.

ло изъ архитекторовъ XVIII-го вѣка понялъ сущность особняка. И до него, начиная съ Растрелли, русскимъ архитекторамъ приходилось строить барскіе дворцы. Однако никому изъ нихъ не удалось такъ полно выразить типъ особняковыхъ построекъ, отвѣчающихъ дворянскому быту и овѣянныхъ особой красотой русскаго классицизма, связаннаго съ природой, съ климатомъ, со всѣмъ характеромъ жизни страны...

Колоссальная колоннада, прекрасная на берегахъ Невы, въ царственномъ городѣ—Петербургѣ, на зданіи, воплощающемъ могущество государства, уже не будетъ умѣстна гдѣ нибудь въ лѣнивомъ и патріархальномъ городкѣ на фонѣ барскаго быта, добродушнаго и лѣниваго. Тутъ нужны какія-то иныя, болѣе интимныя ласковыя формы.

Въ столицѣ барскій домъ еще могъ быть величественнымъ, но въ провинціи это было ему совсѣмъ не къ лицу; въ Москвѣ, въ столицѣ, все таки приходится немного важничать и ходить въ парадной формѣ, въ Калугѣ можно полюбить простую жизнь, дворъ, садъ, можно забыть все офиціальное...

Казаковъ понялъ это и ни одна его московская постройка, современная дому Кологривовыхъ, не достигаетъ такой нарядной интимности, такого чисто провинціальнаго уюта, какъ этотъ домъ.

Особняковъ Казакова много сохранилось въ Москвѣ, но ни въ одномъ нѣтъ такой полной гармоніи, такой законченной изысканной красоты, какъ въ калужскомъ домѣ Кологривовыхъ!

Здѣсь Казаковъ не ограничился постройкой одного только барскаго дома, онъ разбилъ цѣлую усадьбу, соединивъ въ одно художественное цѣлое домъ, ворота, службы и т. д. Въ центрѣ, лицомъ къ улицѣ, художникъ поставилъ барскій домъ. По обѣимъ сторонамъ его ворота въ видѣ арки, украшенной двумя парами колоннъ.

За воротами открывается красивая перспектива: въ глубинѣ двора видны служебныя зданія, скомпанованныя съ такими же арками, въ гармоніи съ воротами. Эти два надворные служебные корпуса соединены прекрасной колоннадой отдѣляющей дворъ отъ сада.

Фасадъ дома простъ, но прекрасенъ своими пропорціями, этой ловкостью и мѣткостью, съ которой разбита пилястрами и карнизами стѣна. Изысканность этой простоты подчеркивается приставленными съ обѣихъ сторонъ къ дому величественными арками—воротами. На нихъ тоже мало украшеній: только двѣ пары колоннъ поддерживаютъ массивную верхнюю часть, да двѣ барельефныя фигуры музъ въ овальныхъ медальонахъ-нишахъ. Эта красота дополняется отличными старинными воротами и рѣшетками.

Со двора фасадъ дома еще проще, но весь дворъ пріобрѣтаетъ праздничный и нарядный видъ отъ колоннады, за которой вырисовываются деревья сада.

Внутренняя отдѣлка дома, его прекрасныя залы только дополняютъ на рѣдкость художественное впечатлѣніе, оставляемое его наружнымъ видомъ...

Несмотря на то, что Казаковъ очень много строилъ въ Москвѣ, ему рѣдко выпадали на долю такіе большіе замыслы—созданіе цѣлой усадьбы, какъ здѣсь въ Калугѣ.

На улицахъ Москвы много великолѣпныхъ и роскошныхъ особняковъ, но они часто окружены деревянными службами и безформенными желѣзными рѣшетками и отъ этого представляются чѣмъ-то случайнымъ, оторваннымъ отъ жизни.

А здѣсь, въ домѣ Кологривовыхъ, Казаковъ создалъ усадьбу, гдѣ все—каждый уголокъ, каждая мельчайшая деталь проникнуты высокимъ искусствомъ. И неожиданно и странно видѣть эту красоту въ тихой провинціи, въ Калугѣ...

Домъ Кологривовыхъ—отличный образецъ русскаго ранняго классицизма, той его московской вѣтви, которая развивалась въ творчествѣ К. Бланка, Баженова и Казакова. Понятіе о красотѣ—уже чисто классическое: выше всего цѣнится гармонія частей, найденность пропорцій, ясность замысла и простота формъ. Но формъ классическихъ еще мало; онѣ смягчены изяществомъ XVIII вѣка: нѣтъ крупныхъ формъ, нѣтъ густыхъ сочныхъ тѣней, рѣзкихъ эффектовъ, суровыхъ гладей стѣнъ—архитектурная мелодія звучитъ нѣжно, женственно, полна того міроощущенія, которымъ овѣяно все искусство расцвѣта этого вѣка, той утонченной граціи, которая смягчаетъ и облагораживаетъ все, проходящую сквозь его призму...

Къ этой полосѣ русской архитектуры принадлежатъ въ Москвѣ домъ генералъ-губернатора на Тверской, домъ графа Шереметева и Казенная палата на Воздвиженкѣ, училище Живописи и Ваянія на Мясницкой. Это Московскій Louis XVI, нѣсколько запаздывающій въ сравненіи съ Петербургомъ въ духѣ, но уже принимающій болѣе прямолинейныя, классическія формы...

Съ домомъ Кологривовыхъ схожъ по общему плану домъ Тимченко на Дворянской улицѣ.

Домъ Чистоклѣтовыхъ на Никитской улицѣ построенъ повидимому въ 1810-ыхъ годахъ. Онъ отлично сохранился и наравнѣ съ домомъ Кологривовыхъ является однимъ изъ самыхъ художественныхъ особняковъ Калуги. И что особенно цѣнно—оба эти дома вполнѣ самостоятельны. Чаще всего провинція пробавляется подражаніемъ столичнымъ образцамъ; строители ея зданій пользуются твореніями столичныхъ корифеевъ архитектуры, упрощаютъ ихъ или рабски и подчасъ неумѣло копируютъ, дома же Кологривовыхъ и Чистоклѣтова—произведенія отличныхъ мастеровъ и притомъ полныя оригинальнаго творчества...

Домъ Чистоклѣтовыхъ принадлежитъ къ той полосѣ московскаго строительства, когда зодчіе еще продолжали твердо держаться античныхъ идеаловъ красоты, но греко-римскія классическія формы уже перестали играть прежнюю господствующую роль.

До того грозный, строгій, приземистый классицизмъ, овѣянный холодной и спокойной красотой, съ фасадомъ лишеннымъ какихъ-либо украшеній, кромѣ колоннады, съ простыми разрѣзами оконъ, иногда только украшенныхъ замками, словно отражаетъ тревожное сосредоточенное время подготовки къ великой борьбѣ съ Наполеономъ. И все что создаютъ московскіе художники въ это время — сурово, чинно, овѣяно какимъ-то духомъ героизма.

Но послѣ 12-го года словно лучъ солнца пробился сквозь тучи, словно люди стали мягче, спокойнѣе, полюбили жизнь, разбудили въ себѣ всѣ нѣжныя человѣческія чувства... Дома стали изящнѣе, нѣжнѣе, нарядиѣе. Художники вырабатываютъ новую красоту: въ классическихъ зданіяхъ появляется изящество, уютность, налетъ интимности. Холода и величія не стало. Еще необходимыми кажутся классическія колоннады, но онѣ не выстраиваются, какъ раньше, у гладкой стѣны фасада, похожія въ своей суровой чинности на воиновъ. Теперь ихъ окружаютъ, придавая нарядность и смягчая ихъ, барельефы съ изображеніемъ музъ и грацій въ развѣвающихся одеждахъ; надъ ними вьются скульптурные фризы, строгость стѣнъ нарушена гирляндами, вѣнками, связанными факелами, вьющимися лентами.

Въ Москвѣ такое толкованіе классицизма упрочилъ Доменико Джилярди въ своихъ работахъ 10-ыхъ годовъ XIX-го столѣтія. Несомнѣнно, что домъ Чистоклѣтовыхъ или созданъ по его проекту, или принадлежитъ кому-нибудь изъ вѣрныхъ его учениковъ.

За принадлежность этого дома къ школѣ Джилярди говоритъ и анализъ его, и сравненіе съ московскими работами мастера. Типиченъ для Джилярди барельефный фризъ, ступенчатый аттикъ, розетки на стѣнахъ, излюбленныя имъ капители. И еще болѣе типичны колонны въ одинъ второй этажъ, опирающіяся на рядъ арокъ.

Можно найти много общихъ чертъ между домомъ Чистоклѣтова и московскими произведеніями Джилярди: домомъ Государственнаго банка на Никитскомъ бульварѣ, Екатерининскимъ институтомъ, перестроеннымъ Джилярди въ 1820-ыхъ годахъ, старымъ зданіемъ Московскаго Университета. Ворота дома почти тождественны съ воротами Университета.

Формы Чистоклѣтовскаго дома просты, но оставляютъ впечатлѣніе высокаго мастерства. На аттикѣ два грифона поддерживаютъ щитъ съ инниціалами владѣльца. Подъ колоннами проходитъ великолѣпный фризъ мелкой лѣпки, чуднаго рисунка, затѣйливой орнаментаціи. Этотъ фризъ является какъ бы паспортомъ зданія, относя его къ школѣ Джилярди.

Въ трехъ центральныхъ пролетахъ между колоннами, въ квадратахъ барельефныя фигуры женщинъ въ длинныхъ падающихъ складками одѣяніяхъ. Это, судя по аттрибутамъ, аллегорическія изображенія живописи, ваянія и архитектуры.

Въ двухъ боковыхъ пролетахъ—круглые медальоны, окруженные гирляндой и факелами или ликторскими пучками. По сторонамъ колоннады стѣны украшены розетками. Все это очень красивое декоративное убранство, вплоть до распредѣленія барельефовъ, розетокъ и медальоновъ очень близко къ убранству стараго зданія Московскаго Университета, обстроенному Джилярди въ концѣ 1810-хъ годовъ.

Вліяніе архитектуры Чистоклѣтовскаго дома на всѣ позднѣйшія постройки той же эпохи очень замѣтно. Нѣкоторыя детали повторяются цѣликомъ. Таковъ домъ Добровольскаго на Дворянской улицѣ съ фасадомъ украшеннымъ медальонами, и домъ на Новомъ Базарѣ, повторяющій чистоклѣтовскихъ грифоновъ, держащихъ щитъ съ иниціалами.

Благодаря изобилію классическихъ особняковъ въ Калугѣ, а также благодаря постоянной ея художественной связи съ Москвой, мы находимъ здѣсь отраженіе почти всѣхъ развѣтвленій московскаго классицизма.

Прекрасный домъ Мѣшкова, теперь зданіе государственнаго банка, является созданіемъ все той же московской школы, но въ позднемъ ея періодѣ, приблизительно въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, когда въ Москвѣ вошли въ моду такія массивныя, крупныя колоннады, нѣсколько вытянутыя коринфскія капители, барельефные фризы изъ грифоновъ, лиръ, и акантовъ.

Домъ Мѣшкова, нѣсколько искаженный теперь недавней пристройкой боковыхъ корпусовъ, одинъ изъ наиболѣе красивыхъ классическихъ домовъ Калуги и притомъ одинъ изъ очень своеобразныхъ. Въ немъ нѣтъ совершенно мягкой, уютной интимности чистоклѣтовскаго и кологривовскаго домовъ: онъ очень парадный, торжественный, производящій благодаря тяжелой массивной колоннадѣ, грандіозное и величественное впечатлѣніе. Очень хорошъ по рисунку лѣпной орнаментъ на фронтонѣ, состоящій изъ переплетающихся тѣсно лиръ и грифоновъ; надъ окнами, между колоннами—медальоны, обведенные гирляндами и факелами; надъ боковыми окнами—тѣ же медальоны съ развѣвающимися въ обѣ стороны лентами. Во всемъ—и въ основныхъ формахъ дома, и въ стройныхъ колоннахъ и въ деталяхъ чувствуется большой художественный вкусъ и настоящее мастерство...

Домъ Мѣшкова, какъ и домъ Чистоклѣтова, послужилъ, образцомъ для нѣсколькихъ позднѣйшихъ построекъ той же эпохи: такого же типа, какъ и онъ, дома дворянскаго пріюта, Малютинскаго убѣжища на Дворянской улицѣ и Городского Училища на Одигитріевой.

Вотъ лучшее и наиболѣе сохранившееся изъ художественнаго наслѣдства, оставленнаго Калугѣ русскимъ зодчествомъ царствованіи Екатерины и Александра I-го. Послѣдующія эпохи не прибавляли нечего къ красотѣ города, наоборотъ часто безжалостно разрушалось и то прекрасное, что было создано раньше...

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тверь. Церковь Бѣлой Троицы за р. Тьмакой. 1564 г.

Тверь.

Можетъ быть изъ всѣхъ рускихъ провинціальныхъ городовъ Тверь— самый строгій, торжественный и чинный. Созданный весь по одному строго выдержанному плану, этотъ городъ совершенно не имѣетъ добродушнаго расплывчатаго облика, свойственнаго Москвѣ и большинству городовъ, къ ней тяготѣющихъ. Если Калуга во всемъ подобна Москвѣ, то Тверь скорѣе напоминаетъ Петербургъ въ миніатюрѣ. Та же ясность плана и грандіозность официальныхъ зданій. Все кажется приспособленнымъ къ парадной официальной жизни. Ни въ Калугѣ, ни въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ нѣтъ ничего равнаго по величественности тверскому дворцу, теперешнему губернаторскому дому, Судебной площади, громадной классической церкви Вознесенія на Милліонной

Тверь начала отстраиваться и принимать свой современный видъ въ 60-ыхъ годахъ XVIII-го вѣка, лѣтъ на десять-пятнадцать раньше Калуги; въ ея строеніяхъ яснѣе замѣтны еще не вполнѣ исчезнувшіе въ то время отзвуки барокко, любовь къ пышности и парадной торжественности...

Тверь очень красива. Особенно весной и лѣтомъ, когда синяя лента Волги прорѣзаетъ городъ. Живописна, обсаженная деревьями, волжская набережная съ видомъ на расположенный на противоположной сторонѣ Тверской Отрочь монастырь; онъ весь бѣлый и красиво гармонируетъ съ голубой Волгой и зеленымъ берегомъ...

Оживленіе вносятъ пароходныя пристани и идущіе мимо пароходы и баржи, но движенія около Твери мало и въ городѣ нѣтъ суеты и пестрой сутолоки большого поволжскаго центра. Ничто въ этомъ городѣ не напоминаетъ объ его многовѣковой яркой исторической жизни; въ немъ такъ тихо, что съ трудомъ допускаешь мысль, что когда-то онъ подвер-

гался нападеніямъ враговъ, разорялся и выжигался весь почти до основанія. Съ трудомъ вѣрится, что когда то онъ былъ соперникомъ Москвы, боролся съ ней за первенство надъ всѣми русскими городами.

Памятниковъ своего далекаго прошлаго Тверь почти не сохранила. Что оставили цѣлымъ враги и частые и опустошительные пожары, доконало всесокрушающее время. Мало вліяя на общее впечатлѣніе, даваемое Тверью, не нарушая совершенно ея красиваго и характернаго облика, встрѣчаются кое-гдѣ на ея улицахъ старинныя церкви—иногда поразительно стройныя и художественныя, но не вносящія никогда новыхъ элементовъ въ типъ древнихъ храмахъ Московской области. Мѣстнаго зодчества, вырабатывающаго послѣдовательно свои особенныя самостоятельныя формы Тверь никогда не имѣла.

И не въ древнихъ сооруженіяхъ главный интересъ Твери. Это городъ, богатый памятниками ранней Екатерининской архитектуры, той переходной полосы въ русскомъ искусствѣ, когда прошло уже обаяніе вычурныхъ дворцовъ Растрелли и все искусство предыдущаго царствованія показалось жеманнымъ, манернымъ и напыщеннымъ. Полно, какъ никакой другой, если не считать Петербурга, городъ, Тверь отразила въ своихъ зданіяхъ овладѣвшую русскими художниками того времени жажду новыхъ, ясныхъ и гармоничныхъ, формъ...

Тверь—одинъ изъ старѣйшихъ городовъ московской области; въ лѣтописяхъ ея имя упоминается впервые въ 1209 году, при описаніи войны князя суздальскаго съ новгородцами [1]).

Основаніе города относится, конечно, къ болѣе раннему времени, возможно къ первой половинѣ XII-го столѣтія. Какъ всѣ поволжскіе города, строившіеся суздальскими князьями или новгородцами, Тверь первоначально являлась крѣпостью, расположенной при сліяніи рѣки Тверцы съ Волгой, и ограждала суздальскія владѣнія отъ набѣговъ новгородскихъ и новоторжскихъ удальцовъ. При основаніи своемъ городъ былъ расположенъ на противоположномъ берегу и только впослѣдствіи, когда жители постепенно переселились на теперешнее мѣсто, на нагорный берегъ, сюда была перенесена и крѣпость.

Исторія Твери—обычная исторія стариннаго русскаго города: короткіе годы процвѣтанія, борьба съ Москвой за первенствующее вліяніе на русскую жизнь, вѣчные нападенія татаръ, все сметающихъ и разрушающихъ на своемъ пути; потомъ побѣда Москвы и, какъ слѣдствіе ея, униженіе когда-то богатаго и цвѣтущаго города...

Дальше полное запустѣніе, пожары и моровая язва, послѣ которыхъ

---

[1]) Суздальская лѣтопись.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тверь. Спасо-Преображенскій соборъ (1689-96 г. г.) и колокольня (1739-1758 г. г.)

городъ приходится заселять людьми изъ пригородовъ и уѣзда [1]), голодъ,— печальные факты, исчерпывающіе исторію большинства провинціальныхъ городовъ Россіи въ XV, XVI и XVII вѣкахъ...

Возвышеніе Твери начинается съ XIII-го вѣка. Первымъ княземъ самостоятельнаго Тверского княжества былъ Ярославъ Ярославичъ (1243—1271)—братъ Александра Невскаго. Въ его княженіе Тверь знала мало покойныхъ минутъ; были вѣчныя войны съ раззорявшей тверскіе предѣлы Литвой, съ татарами и своими же русскими князьями, соперниками Ярослава въ обладаніи великокняжескимъ Владимірскимъ столомъ. Съ Ярослава тверскіе князья неоднократно получаютъ велико-княжеское достоинство, но никогда оно не достается имъ безъ боя.

Рѣдкое десятилѣтіе проходитъ безъ того, чтобы тверская земля не страдала отъ нападеній другихъ князей и призванныхъ ими на помощь татаръ. Такъ въ 1281 году татары опустошили рядъ русскихъ областей и между прочимъ «около Твери пусто сотвориша по самый Торжокъ» [2]). Въ 1293 году въ Тверь приходилъ татарскій царевичъ Тохтамеръ и «многу тягость учинилъ людямъ»...

Но проходило время, Тверь оправлялась и опять это было одно изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ княжествъ, къ князю котораго охотно шли на службу бояре изъ другихъ земель.

Въ началѣ XIV-го вѣка въ Твери уже былъ хорошо укрѣпленный, большой кремль, былъ каменный соборъ; тверской князь могъ богатыми дарами покупать себѣ въ ордѣ ярлыкъ на великокняжескій столъ.

Въ 1304 году, когда великокняжескій Владимірскій столъ долженъ былъ перейти по праву старшинства къ князю тверскому, съ нимъ заспорилъ его племянникъ Юрій Даниловичъ, владѣлецъ молодого, еще незначительнаго, московскаго княжества. Это было первое серьезное выступленіе Москвы. Великое княжество по ханскому ярлыку осталось за Михаиломъ Тверскимъ, но Юрій не примирился съ этимъ, и путемъ подкуповъ, интригъ и наговоровъ добился своего; ханъ отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и отдалъ старшинство Юрію. Сговорившись съ новогородцами, Юрій съ суздальскими князьями и татарами напалъ на Тверь и впродолженіи трехъ мѣсяцевъ раззорялъ ея предѣлы.

Съ тѣхъ поръ борьба тверскихъ князей съ Москвой, значеніе которой все усиливается, не прекращается въ теченіе двухъ почти вѣковъ. Иногда изъ политическихъ соображеній князья московскіе вступаютъ въ бракъ съ тверскими княжнами: борьба прекращается, но не на долго.

---

[1]) Для увеличенія населенія Твери послѣ мора, бывшаго въ 1644, 1645 и 1655 годовъ въ городъ были переселены крестьяне изъ архіепископскихъ и монастырскихъ вотчинъ и изъ принадлежащаго Н. И. Романову подгороднаго села Свистунова. (Тверскія епарх. вѣд. за 1889 г. № 3. стр. 71).

[2]) Новгородская лѣтопись.

Сосѣдство богатой и самостоятельной Твери слишкомъ опасно и слишкомъ замѣтно даетъ себя чувствовать Москвѣ, чтобы она могла жить съ ней въ мирѣ...

Какъ всѣ старые русскіе города, Тверь неоднократно сжигалась и разорялась непріятелями до основанія. Нѣсколько разъ за время ея самостоятельнаго существованія нападала Литва; то и дѣло подходили къ тверскимъ границамъ татары—жгли, грабили, уводили жителей въ плѣнъ. Нерѣдко нападали и на самый городъ. Лѣтопись тверского княжества пестритъ сообщеніями о томъ, какъ татары являлись въ его предѣлы и уходили, «пусто сотвориша» на много верстъ кругомъ.

Народная пѣснь — яркое отраженіе пережитого страной — сохранила память объ одномъ изъ наиболѣе губительныхъ набѣговъ татаръ на Тверь и причинахъ, вызвавшихъ его. Одинъ изъ ханскихъ приближенныхъ Щелканъ Дудентьевичъ выпросилъ себѣ у царя Азвяка (Узбека) «Тверь старую, Тверь богатую», гдѣ княжили «два брата родимыхъ, два удалыхъ Борисовича». Явившись въ Тверь Щелканъ, по лѣтописи Шевкалъ, сталъ безчинствовать, зачванился и загордился. Тогда «мужики старые, мужики богатые, мужики посадскіе» пришли къ нему и, ухвативъ одинъ за ноги, другой за голову, разорвали его: «тутъ смерть ему приключилася, ни на комъ не сыскалося».

Лѣтопись подтверждаетъ все разсказанное пѣснью: она говоритъ о томъ, какъ возмущенные насильничествомъ и наглостью Шевкала, «смятошася людіе и удариша въ колоколы и сташа вѣчіемъ». Что явилось въ результатѣ вѣча—извѣстно...

Узнавъ объ убійствѣ Шевкала, ханъ Узбекъ далъ московскому князю Ивану Калитѣ 50000 войска и приказалъ наказать непокорныхъ тверитянъ. Соединившись съ суздальскимъ княземъ Калита напалъ на Тверское княжество и разорилъ его. «И взяша градъ Твери, разсказываетъ лѣтописецъ, и Кашинъ, а прочая грады и волости пусты сотвориша, а люди изсѣкоша, а иныхъ въ плѣнъ поведоша, и Новоторжскую волость пусту сотвориша».

Князь тверской Александръ Михайловичъ, его братья и бояре всѣ бѣжали изъ Твери, опустошенной хуже, чѣмъ послѣ нашествія Батыева. Могущество Твери было сломлено: ей приходится теперь во многомъ подчиняться Москвѣ, покорно сносить учиняемыя ея князьями насилія; такъ Иванъ Калита велѣлъ снять и увезти въ Москву колоколъ съ собора св. Спаса. По тогдашнимъ понятіямъ это было одно изъ величайшихъ оскорбленій, которое можно было нанести цѣлому городу и все же оно осталось безнаказаннымъ...

Начиная съ Калиты московскіе князья никогда не упускаютъ случая усилить свое общерусское значеніе или увеличить свои владѣнія за счетъ

Твери. Всѣ средства кажутся годными въ этомъ отношеніи: и помощь татаръ, и интриги, и натравливаніе другихъ сосѣдей и вмѣшательство, часто вооруженное, въ возникающія среди тверскихъ удѣльныхъ князей усобицы. При Иванѣ III Тверь окончательно потеряла свою самостоятельность. Послѣ того, какъ въ 1486 году князь тверской Иванъ Михайловичъ бѣжалъ въ Литву, бояре отдали городъ со всей областью въ полное владѣніе великаго князя московскаго [1]). Тотъ назначилъ въ Тверь княземъ своего старшаго сына Ивана Ивановича. Это былъ послѣдній тверской князь: послѣ его смерти Тверь управляется намѣстниками и воеводами...

Въ 1570 году, когда Грозный шелъ на Новгородъ, Тверь потерпѣла отъ проходившихъ по ней войскъ не меньше, чѣмъ въ былыя времена терпѣла отъ татаръ.

Московскія полчища простояли подъ городомъ пять дней и всѣ эти дни были сплошной вакханаліей грабежей, насилій, убійствъ: опричники грабили духовенство, потомъ бросились на обывательскіе дома, ломали и разоряли, забирали товары, калѣчили и убивали людей.

Изъ Твери двинулись на Торжокъ, гдѣ продолжались тѣ же «молодецкія забавы»...

Въ Смутное время городъ былъ разоренъ и сожженъ поляками, завладѣвшими имъ. Опустошенія, произведенныя непріятелемъ, были такъ значительны, что еще въ 1629 году, т.-е. спустя почти двадцать лѣтъ, въ Твери было 11 пустыхъ церквей и монастырей и 1450 пустыхъ мѣстъ.

Къ концу XVII и началу XVIII вѣковъ Тверь оправилась; современники указываютъ на нее, какъ на городъ торговый и богатый; тверскіе купцы имѣютъ торговыя сношенія не только съ большинствомъ сосѣднихъ губерній, но и съ такими отдаленными, какъ вологодская [2]).

Тѣмъ не менѣе, въ Твери до самаго пожара 1763 года, сыгравшаго такую громадную роль въ преобразованіи города, почти всѣ строенія были деревянными, весьма несложной архитектуры. Дома строились не по ровной линіи, а какъ попало; одинъ сильно выступалъ впередъ, другой вдавался назадъ—это дѣлало и безъ того узкія и кривыя улицы еще болѣе кривыми и неудобными. По многимъ переулкамъ можно было проѣзжать «только въ одну лошадь съ телѣгой», такъ ничтожна была ихъ ширина. Вездѣ, даже на центральныхъ улицахъ и площадяхъ, царила непроходимая грязь. Строились тѣсно, давая обильную пищу частымъ пожарамъ: напримѣръ, на теперешней дворцовой площади, на мѣстѣ занимаемомъ дворцомъ и на пространствѣ, остающемся незанятымъ вокругъ дворца и собора, ютились въ концѣ XVII вѣка безчисленныя постройки. Въ центрѣ былъ владычный архіепископскій дворъ, состоявшій изъ длиннаго ряда дворовъ,

[1]) *Борзаковскій.* Исторія тверского княжества. СПБ. 1876.

[2]) *В. Покровскій.* Историко-статистическое описаніе тверской губерніи. Томъ II.

келій, палатъ, приказовъ, хлѣбни, пекарни и тому подобныхъ каменныхъ сооруженій.

Вокругъ него тѣснились дворы разныхъ лицъ, служащихъ при соборѣ и при архіепископѣ, дѣтей боярскихъ, подъячего, иконниковъ, разсыльныхъ, пѣвчихъ и т. д..

Въ 1763 году страшный пожаръ уничтожилъ почти цѣликомъ всю городскую часть: сгорѣли торговые ряды, безчисленное количество обывательскихъ домовъ, церкви и немало людей. Въ одной Христорождественской церкви, куда сбѣжались прихожане въ надеждѣ спасти себя и свое имущество, сгорѣло 33 человѣка съ священникомъ и причтомъ.

На помощь пострадавшимъ отъ пожара тверитянамъ пришла Императрица Екатерина Великая. Она велѣла выдать разорившимся жителямъ хлѣба на годъ и пожаловала купечеству «знатную сумму денегъ», въ видѣ ссуды на возобновленіе торговыхъ рядовъ и домовъ.

Не ограничившись денежной помощью, Екатерина послала въ Тверь смоленскаго губернатора Формора и съ нимъ четырехъ московскихъ архитекторовъ Никитина, Казакова, Обухова и Квасова [1]) для приведенія города въ соотвѣтствующій «изьящному вкусу видъ»...

Послѣ отставки Формора «главная дирекція здѣшнимъ строеніемъ» была поручена новгородскому губернатору Сиверсу, впослѣдствіи правившему должность тверского и новгородскаго государева намѣстника.

Командированнымъ для обстраиванія Твери архитекторамъ было поручено построить всѣ казенныя зданія въ городѣ: помѣщеніе для присутственныхъ мѣстъ, губернаторскій домъ, дворецъ на случай пріѣздовъ Императрицы и т. д. На казенный же счетъ были выстроены ряды однообразныхъ обывательскихъ домовъ на Милліонной улицѣ и по Волжской набережной.

Тверь въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка находилась на бойкомъ мѣстѣ: это былъ самый крупный городъ на пути изъ Петербурга въ Москву. Во время поѣздокъ въ Москву здѣсь останавливался дворъ и это обстоятельство рано опредѣлило физіономію города: онъ всегда былъ наготовѣ для встрѣчи высокихъ гостей—парадный, оффиціальный, безъ тѣни добродушной провинціальной распущенности.

Оффиціальность Твери еще подчеркивалась тѣмъ, что она почти вся возникла одновременно, по одному плану, и что всѣ зданія ея вплоть даже до обывательскихъ домовъ были выстроены въ одномъ и томъ же стилѣ.

Въ тверскихъ строеніяхъ не было разнообразія, зависящаго отъ индивидуальныхъ вкусовъ строителей, не было разницы, вносящей въ обликъ

---

[1]) „Историческая выставка архитектуръ" СПБ. 1911 г. Статья Рудницкаго, стр. 55.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тверь. Судебная площадь.

города болѣе живой, хотя и путаный оттѣнокъ между казенными зданіями и обывательскими домами, между старыми и новыми постройками...

Но все же Тверь послѣ своего возстановленія должна была быть удивительно красива: художественно распланированная, съ отлично задуманными площадями и перспективами улицъ. Даже теперь, послѣ полуторавѣкового существованія и многочисленныхъ наслоеній, красивы площади и центральныя улицы.

Въ 1767 году въ еще не вполнѣ отстроившуюся Тверь пріѣхала для отправки отсюда внизъ по Волгѣ на галерахъ императрица Екатерина и прожила два дня въ «новопостроенномъ по высочайшему Великой Монархини указу архіерейскомъ домѣ съ императорскими при немъ покоями». [1]) Живо интересуясь возстановленіемъ Твери, государыня объѣзжала строящійся городъ и для поощренія жителей «соблаговолила еще всевысочайше указать всякому обывателю каменной домъ построившему, или кто впредъ такое зданіе построитъ отпущать листовое кровельное желѣзо на покрышку ихъ домовъ безденежно, на что больше ста тысячъ рублей изойти можетъ» [2]). Тогда же она распорядилась отмѣнить предполагавшуюся въ ея честь постройку тріумфальной арки и велѣла назначенныя на это деньги обратить на что нибудь обще-полезное.

Въ 1775 году Императрица Екатерина снова посѣтила Тверь. И на этотъ разъ, какъ въ большинствѣ понравившихся ей городовъ, она оставила память о себѣ богатыми пожертвованіями. На деньги пожалованныя ею было выстроенно шесть каменныхъ священническихъ домовъ и построенна «по новѣйшей и наилучшей архитектурѣ» прекрасная церковь во имя Великомученицы Екатерины въ одномъ изъ флигелей дворца, освященная въ 1778 году.

Въ 1776 году съ большимъ торжествомъ были открыты въ Твери, сдѣланной въ этомъ году губернскимъ центромъ, казенныя учрежденія, губернское правленіе, судъ, палаты и т. д. «Увеселенія и дѣла», сопровождавшія открытія, длились больше двухъ недѣль, съ 15 января по 4-ое февраля [3]).

На слѣдующій годъ тверское дворянство, благодарное Императрицѣ за возстановленіе города и пожалованныя права, рѣшило соорудить на Судебной площади памятникъ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ въ Россіи и можетъ быть единственный, поставленный еще при жизни царствующаго лица. Этотъ памятникъ сооруженный по проекту Ю. М. Фельтена [4]), и состоявшій изъ обелиска дикаго камня съ позолоченнымъ шаромъ

---

[1]) „Тверскія Губ. Вѣдомости" 1865 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) *В. Покровскій.* Историко-статистическое описаніе тверской губерніи. Томъ II.

[4]) *Петровъ.* «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Художествъ» ч. I, стр. 221.

на верху, просуществовалъ до 1811 года, когда былъ разобранъ по повелѣнію принца Георгія Ольденбургскаго съ цѣлью замѣнить его болѣе великолѣпнымъ. Смерть принца помѣшала осуществленію этого плана; отъ памятника сохранилась теперь только, находящаяся въ музеѣ, закладная мѣдная доска съ надписью, положенная въ основаніе его.

Эпохой процвѣтанія для Твери были 1810-ые годы, когда генералъ-губернаторомъ Тверскимъ, Ярославскимъ и Новгородскимъ былъ назначенъ принцъ Георгій Ольденбургскій, женатый на любимой сестрѣ Александра I Екатеринѣ Павловнѣ.

Для молодой великой княгини составили цѣлый дворъ; бывшій Екатерининскій дворецъ, къ тому времени генералъ-губернаторскій домъ, передѣлали, подправили и украсили. «И Тверь, пишетъ въ своихъ запискахъ Вигель, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы еще на нѣкоторое время опять блеснула между русскими городами». Во время недолгаго (отъ 1809—1813 г.) генералъ-губернаторства принца Ольденбургскаго Тверь, дѣйствительно, стала чѣмъ-то вродѣ маленькой столицы, провинціальной резиденціей двора. Всѣ члены императорской фамиліи, не исключая и Государя, часто бывали и подолгу гостили въ Твери.

Этотъ городъ сталъ на время «пріютомъ музъ и грацій». Умная и живая женщина, великая княгиня Екатерина Павловна умѣла окружить себя выдающимися людьми своего времени; она славилась своимъ меценатствомъ: по ея ходатайству, напримѣръ, Гнѣдичъ получалъ пенсію до окончанія своихъ работъ по переводу «Иліады». Въ тверскомъ дворцѣ часто бывалъ Карамзинъ; здѣсь въ присутствіи Александра I и великой княгини онъ читалъ первыя главы своей «Исторіи»,здѣсь же представилъ Императору свою «Записку о древней и новой Россіи»...

Въ 1811 году къ принцу Ольденбургскому былъ прикомандированъ молодой архитекторъ К. И. Росси. Нѣтъ въ Твери ни одного зданія, которое можно было бы опредѣленно приписать ему, но совершенно невѣроятнымъ представляется, чтобы онъ тамъ ничего не оставилъ. Росси пробылъ въ Твери нѣсколько лѣтъ и, что онъ много работалъ за это время, ясно показываетъ отношеніе къ нему Екатерины Павловны и принца Ольденбургскаго.

Въ сентябрѣ 1811 года великая княгиня, по поводу предполагавшейся командировки въ Тверь петербургскаго архитектора Руска, пишетъ Императору... «mais ce dont Georges vous supplie en grâce, c'est de ne pas envoyer ici Rouske: ce serait un coup de foudre pour Rossy, dont il est parfaitement content et qui est d'un zéle et d'une activitè incroyable. Vous nous desoleriez, car pour sûr Rossy quitterait et ce serait une perte irréparable; d'ailleurs il nous semble n'avoir pas démérité de vos bontés». (...«Но о чемъ Георгій Васъ

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тверь. Дворецъ, теперешній губернаторскій домъ. 1760-ые годы.

умоляетъ, какъ о милости, такъ это о томъ, чтобы Вы не присылали сюда Руску, это будетъ ударомъ для Росси, которымъ онъ вполнѣ доволенъ и который проявляетъ невѣроятное стараніе и трудолюбіе. Вы приведете насъ въ отчаяніе, потому что конечно Росси оставитъ насъ, а это будетъ непоправимой потерей; впрочемъ, намъ кажется, что онъ не заслужилъ Вашего нерасположенія».) [1])

Два года спустя, уже послѣ смерти принца Георгія, Екатерина Павловна дѣлаетъ еще болѣе лестный отзывъ о работахъ Росси и упоминаетъ о томъ, что лично ей много приходилось имѣть съ нимъ дѣла: «lui et ses deux aides,—пишетъ она 24 февраля 1813 года,—pourraient fort bien vous servir à rebâtir les maisons brûlées dans différentes villes: je réponds de leur activité et intelligence, je pourrais même dire de leur honnêteté, car j'ai eu beaucoup à faire avec eux et les ai vus faire aussi leurs autres ouvrages et jamais il n'y a en rien à redire». «...Онъ (т.-е. Росси) и его два помощника могутъ быть Вамъ очень полезны при возстановленіи сгорѣвшихъ зданій въ разныхъ городахъ, я ручаюсь за ихъ трудолюбіе и сообразительность, могу сказать даже за ихъ честность, потому что я имѣла много дѣлъ съ ними и видѣла также, какъ они исполняли другія свои работы, никогда ни чего нельзя было не одобрить [2])».

Эти свидѣтельства великой княгини устанавливаютъ, что Росси много и энергично работалъ въ Твери. Было бы крайнѣ любопытно найти что-либо изъ созданнаго имъ тамъ, но до сихъ поръ ничего найти не удалось. Вся начальная полоса творчества Росси остается сплошнымъ темнымъ мѣстомъ. Вернувшись изъ за-граничной поѣздки онъ работалъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, построилъ здѣсь театръ на Арбатской площади, сгорѣвшій въ 1812 году. Московскихъ работъ его такимъ образомъ не сохранилось.

Дальше идутъ нѣсколько лѣтъ работы въ Твери, послѣ которыхъ мы видимъ Росси уже въ Петербургѣ вполнѣ зрѣлымъ мастеромъ, строителемъ Елагина дворца.

Пребываніе въ Твери сыграло крупную роль въ жизни мастеръ до того молодой и неизвѣстный архитекторъ онъ обращаетъ на себя вниманіе Екатерины Павловны, а черезъ нея и Императора Александра. Отсюда становится понятной быстрота его послѣдующей карьеры.

Состоя при принцѣ Ольденбургскомъ, Росси работалъ для городовъ всего тверского края. По крайней мѣрѣ на петербургской исторической выставкѣ архитектуры 1911-го года находился его проектъ лавокъ въ Бѣжецкѣ. Въ Твери Росси можно приписать работы по перестройкѣ дворца, между прочимъ классическіе корпуса, соединяющіе флигеля дворца съ центральнымъ зданіемъ.

---

[1]) Великій князь Николай Михайловичъ. „Переписка Императора Александра I съ сестрой вел. княг. Екатериной Павловной" стр. 56.

[2]) Тамъ же стр. 132.

Около 1810-го года въ Твери не производилось, насколько можно судить, никакихъ крупныхъ гражданскихъ построекъ. Правда, сооружалось довольно много каменныхъ церквей въ окрестныхъ монастыряхъ и уѣздныхъ городахъ, между прочимъ Рождественскій соборъ въ Тверскомъ женскомъ монастырѣ, но причастность Росси къ церковнымъ постройкамъ пока ничѣмъ не доказана.

Такимъ образомъ, несмотря на тщательные поиски, тверской періодъ художественной дѣятельности Росси продолжаетъ оставаться загадкой. Можно только предполагать его вліяніе на тѣ проекты прекрасныхъ классическихъ церквей въ городахъ Тверской губерніи, которые утверждались принцемъ Ольденбургскимъ, а иногда и видоизмѣнялись состоящими при немъ архитекторами. Таковъ между прочимъ Преображенскій соборъ въ Торжкѣ.

Съ именемъ перваго князя самостоятельнаго тверского княжества Ярослава Ярославича связано возникновеніе древнѣйшаго изъ церковныхъ сооруженій Твери—Успенскаго Отрочь монастыря. Легенда объ основаніи монастыря, приводимая между прочимъ и Карамзинымъ, разсказываетъ, что во время охоты, страстнымъ любителемъ которой онъ былъ, молодой Ярославъ заночевалъ недалеко отъ села Едимонова, гдѣ жила дочь причетника Афанасія «прекрасная и добродѣтельная» Ксенія. Эта Ксенія была невѣстой любимаго отрока князя—Григорія. Ночью и Ксенія и Ярославъ видѣли во снѣ, что Богу угодно сочетать ихъ бракомъ; утромъ Ярославъ забылъ о снѣ, но все же пошелъ въ Едимоново, переодѣвшись въ простую одежду. Ксенія сразу узнала его; Ярославъ вспомнилъ сонъ и велѣвъ Григорію искать другую невѣсту, женился на Ксеніи. Огорченный Григорій выпросилъ у князя позволенія постричься въ монахи и основалъ въ Твери Отрочь монастырь.

По другимъ преданіямъ Отрочь монастырь такъ названъ потому, что на мѣстѣ, гдѣ онъ расположенъ, былъ въ прежнія времена «дѣтинецъ» или крѣпость, гдѣ жили княжьи младшіе дружинники—отроки...

Ничто въ Отрочь монастырѣ не напоминаетъ о его многовѣковомъ существованіи; всѣ его постройки возникли въ сравнительно недавнемъ прошломъ: стѣны и церковь Филиппа митрополита выстроены въ XVII в., соборная Успенская—въ XVIII, а великомученицы Варвары—въ 1835 году. Онъ интересенъ только какъ историческій памятникъ, какъ первый монастырь въ Твери, какъ мѣсто заточенія и убійства митрополита Филиппа и т. д. Художественныхъ впечатлѣній Отрочь монастырь не даетъ.

Ни отъ XIV, ни отъ XV вѣка ничего не сохранилось въ Твери. XVI вѣкъ представленъ единственнымъ довольно хорошо сохранившимся памятникомъ—церковью Бѣлой Троицы. Она построена въ эпоху Іоанна Грознаго въ 1564 году тверитяниномъ Гаврилой Дмитріевымъ Маковымъ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тверь. Лѣвый павильонъ дворца. 1760-ые г. г.

Небольшая каменная церковь съ семью полукруглыми главами нѣсколько измѣнена позднѣйшей пристройкой западной части.

Однако, изучая тверскую старину, нельзя обойти молчаніемъ Бѣлую Троицу. Она принадлежитъ интереснѣйшей эпохѣ русскаго зодчества, по мнѣнію многихъ—«золотому вѣку» русскаго творчества, серединѣ XVI столѣтія. Каменные памятники этого времени были сравнительно немногочисленны, и совсѣмъ немногочисленны дошедшіе до насъ въ хорошей сохранности. Къ Бѣлой Троицѣ многое добавлено, но мало нарушено; это дѣлаетъ ее особенно цѣннымъ памятникомъ.

Кромѣ того въ этой небольшой церкви сохранилось очень много бытовыхъ чертъ XVI вѣка. Вокругъ нея сплелось много преданій, характеризующихъ ту видную роль, которую играла церковь Бѣлой Троицы въ жизни старой Твери.

Кубическая церковь лишена снаружи какихъ бы то ни было украшеній; всѣ линія ея, даже скромные карнизы и пилястры троечастнаго дѣленія, строги, дѣловиты; таковъ же и алтарный выступъ. Красиво сгруппированы главы: къ большой средней главѣ съ сѣвера и юга примыкаютъ двѣ меньшихъ, образующихъ силуэтъ, нѣсколько напоминающій постановку главъ на шатровыхъ церквахъ; двѣ такія же главы поставлены на западныхъ углахъ; двѣ значительно меньшихъ, нарушающихъ симметрію всей группы, но придающихъ ей живой и оригинальный ритмъ, стоятъ на восточныхъ углахъ куба, какъ бы возсоздавая традиціонное московское пятиглавіе, но въ тоже время своими незначительными размѣрами не нарушая эффекта основного, центральнаго трехглавія...

Внутри церкви интересны царскія врата въ придѣлѣ во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Этотъ придѣлъ помѣщенъ по правую сторону алтаря церкви и соединенъ съ ней простѣнкомъ. Въ немъ находятся деревянныя царскія врата, не отличающіяся особой высотой мастерства, но замѣчательныя какъ работа мѣстныхъ тверскихъ художниковъ. Они украшены свинцовой рѣзьбой, наложенной на раскрашенную слюду, и современны самой церкви. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ царскими вратами тверского Преображенскаго собора, взятыми оттуда Іоанномъ Грознымъ во время его похода въ Новгородъ и перенесенными имъ въ Успенскій монастырь его любимой Александровской слободы.

Иконостасъ церкви Бѣлой Троицы сооруженъ въ концѣ XVII вѣка и составленъ частью изъ образовъ болѣе раннихъ вѣковъ, но художественныхъ памятниковъ среди нихъ нѣтъ.

Столь небогатая художественными сокровищами, Бѣлая Троица полна характерныхъ бытовыхъ чертъ, наглядности которыхъ способствуютъ распространенныя въ Твери преданія объ этой церкви...

Особенно любопытны ея тайники, помѣщенные между главами и сводами храма. Въ пространствѣ между двойными сводами устроены три

небольшія палатки, догадаться о существованіи которыхъ, не зная секрета, довольно трудно. Еще труднѣе проникнуть въ нихъ, такъ какъ изнутри церкви нѣтъ никакихъ ходовъ въ тайники: въ нихъ приходится спускаться черезъ отверстіе въ крышѣ, за которомъ слѣдуетъ рядъ кирпичныхъ ступенекъ.

Несомнѣнно, что эти тайники были устроены на случай вражескаго нашествія. Они предназначались скорѣе всего для храненія церковныхъ сокровищъ и святынь, но преданіе обратило эти тайники въ надежное пристанище для горожанъ, спасавшихся отъ разъяренныхъ непріятелей...

Тверскія легенды сообщаютъ, что «на сводахъ, стѣнахъ и столбахъ церкви долгое время была видна кровь людей, которые, спасаясь въ верхнихъ комнатахъ, были находимы врагами и убиваемы, а кровь ихъ изъ четырехъ отверстій, продѣланныхъ внутрь комнаты, (вѣроятно для снабженія воздухомъ комнатъ) обагряла стѣны церковныя»... [1])

Мѣстныя преданія такъ же сообщаютъ, что изъ церкви устроенъ подземный ходъ, тянущійся на полверсты и приспособленный служить въ тревожные годы убѣжищемъ для горожанъ и надежнымъ хранилищемъ для ихъ богатствъ. Этому можно повѣрить, зная многочисленные примѣры, хотя бы въ московскомъ Кремлѣ, подземныхъ ходовъ, устраивавшихся вокругъ церквей. Однако, произведенныя въ 1873 году раскопки не дали никакихъ результатовъ.

Въ жизни старой Твери Бѣлая Троица играла крупную роль. Кромѣ Преображенскаго собора, это была единственная каменная церковь. Преданіе говоритъ, что одно время Бѣлая Троица была соборной церковью Твери; очевидно, въ такое время, когда Преображенскій соборъ погорѣлъ или пострадалъ отъ непріятеля.

Вокругъ Бѣлой Троицы находятъ древнія каменныя надгробныя плиты. Кромѣ того въ этой мѣстности не рѣдки находки монетъ и бытовыхъ предметовъ XV и XVII вѣковъ.

Отъ XVII вѣка, кромѣ собора и церковныхъ сооруженій въ монастыряхъ, въ Твери сохранилась, невдалекѣ отъ Волжской набережной, въ Ильинскомъ переулкѣ церковь во имя пророка Иліи, поставленная въ 1689 году, вмѣсто находившейся здѣсь прежде деревянной, во имя равноапостольныхъ Константина и Елены. Пятиглавая, съ шатровой колокольней церковь довольно обычнаго для XVII вѣка типа.

Главная ея прелесть въ легкомъ, очень красивомъ и стройномъ, силуэтѣ; особенную легкость придаютъ узкія, немного вытянутыя къ верху, шеи главъ, украшенныя арочками. Стѣны совсѣмъ простыя и гладкія; единственное украшеніе ихъ—красивые оконные наличники и замѣняющія закомары раковины.

---

[1]) «Зодчій» 1874 г., ст. Кузьмина.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тверь. Входъ церкви Знаменія.

Лучшій по сохранности и величественной красотѣ памятникъ XVII вѣка въ Твери—Спасо-Преображенскій соборъ, святой Спасъ, какъ онъ назывался въ древности, построенный въ 1689-96 году архіепископомъ Сергіемъ.

На мѣстѣ, гдѣ теперь находится Преображенскій соборъ, въ первые годы существованія тверского княжества стояла деревянная церковь во имя свв. Козьмы и Даміана. Въ концѣ XII вѣка при великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ деревянная церковь замѣнена каменнымъ соборомъ, уже во имя Спаса Преображенія.

Къ началу XVII вѣка, особенно послѣ времени самозванцевъ и литовскаго разоренія, тверской соборъ обветшалъ и грозилъ разрушеніемъ. Царь Михаилъ Өеодоровичъ прислалъ на постройку новаго соборнаго зданія крупную сумму денегъ; на благодаря ли спѣшности стройки или благодаря пожарамъ новый соборъ скоро потребовалъ перестройки. Онъ былъ разобранъ до основанія при архіепископѣ Сергіи и на его мѣстѣ выстроенъ теперешній—третій, каменный храмъ, живописное зданіе съ массивнымъ корпусомъ и тяжелыми ярославскими главами.

Тверской соборъ, какъ и всѣ соборные храмы XVI и XVII вѣка въ московской области принадлежитъ къ типу Успенскаго собора. За два вѣка формы соборнаго храма развивались очень медленно и незначительно, отставая отъ общаго хода московскаго церковнаго зодчества.

Нѣсколько повиновались голосу моды детали, но основныя формы оставались традиціонными: пять куполовъ, гладкія стѣны, кубическій планъ съ алтарными выступами, дѣленія на стѣнахъ...

Таковъ и Преображенскій соборъ. Но и въ немъ есть все-таки уступки духу времени: наличники оконъ, богатые карнизы — все это обработано въ духѣ московскаго строительства второй половины XVII вѣка и даетъ хорошее воплощеніе московской эстетики, еще свободной отъ барочныхъ вѣяній.

Красивое соединеніе грузныхъ, строгихъ основныхъ формъ и декоративныхъ нарядныхъ деталей дѣлаетъ тверской Преображенскій соборъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и величественныхъ образцовъ церковнаго строительства московской области...

Внутри соборъ, вслѣдствіе многочисленныхъ исправленій и перестроекъ, совершенно утратилъ характеръ древняго храма. Роспись собора и внутреннее его убранство измѣнялись неоднократно въ теченіи XVIII-го и XIX-го вѣковъ, причемъ никогда не заботились о сохраненіи его первоначальнаго облика.

Традиціонные столпы украшены въ верхней своей части лѣпными украшеніями, нѣсколько напоминающими капители, и обставлены вызолоченными иконостасами. Стѣнная живопись сдѣлана въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Съ Преображенскимъ соборомъ, «Спасомъ Златоверхимъ», связана большая часть мѣстныхъ историческихъ событій. Онъ стоялъ въ центрѣ города, въ небольшомъ тверскомъ кремлѣ, гдѣ ютились вокругъ него владычный дворъ, княжескія палаты, приказныя избы, Афанасьевскій монастырь, монастырскія подворья, церкви, обывательскіе дворы и т. д. Здѣсь было средоточіе жизни старой Твери, вершились ея судьбы; колоколъ Преображенскаго собора въ тревожныя минуты сзывалъ тверитянъ на вѣче; въ немъ вѣнчали и хоронили тверскихъ князей; въ немъ же присягнули на вѣрность московскому великому князю тверскіе князья и бояре, когда въ 1485 году „взя градъ Тверь и все великое княжество Тверское великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ“...

Рядомъ съ соборомъ колокольня, выстроенная въ серединѣ XVIII-го вѣка. Близость этихъ двухъ зданій создаетъ красивый и гармоничный контрастъ: рядомъ съ суровымъ величіемъ собора особенно ярко выдѣляется изящество и легкость колокольни.

Въ настоящемъ своемъ видѣ колокольня носитъ характеръ послѣрастрелліевскій, и ее хочется приписать началу Екатерининскаго царствованія, первымъ шагамъ классицизма... Но исторія ея много сложнѣе.

При архіепископѣ Митрофанѣ (1739—59 года) была заложена на мѣстѣ прежней, обгорѣвшей въ пожаръ 1736 г. и разобранной до основанія, соборной колокольни—новая, законченная постройкой уже при слѣдующемъ архіепископѣ въ 1753 году [1]).

Колокольня была построена «о трехъ ярусахъ со сквознымъ подъ нижнимъ ярусомъ проѣздомъ», что совпадаетъ съ ея теперешнимъ видомъ. При архіепископѣ Афанасіи (1758—63 г.) былъ перемѣненъ на колокольнѣ «шпицъ по новому рисунку». Эта перемѣна, конечно, сильно модернизовала колокольню, приблизила ея внѣшній видъ къ архитектурнымъ вкусамъ второй половины XVIII-го вѣка и къ ея теперешнему виду.

И. Е. Бондаренко, на основаніи документа Московскаго Архива Министерства Императорскаго Двора, указываетъ [2]), что М. Казаковъ въ бытность свою въ Твери, исправлялъ, повидимому пострадавшую отъ пожаровъ 1763 года, колокольню.

Если колокольня въ теперешнемъ своемъ видѣ, дѣствительно, хранитъ обликъ, данный Казаковымъ, то она крайне интересна, какъ ранняя самостоятельная работа мастера, показывающая исходную точку его творчества.

Два верхнихъ яруса довольно обычнаго для середины XVIII-го вѣка типа, но нижній—оригиналенъ, красивъ и самостоятеленъ. Въ немъ, въ его гладкихъ пилястрахъ, срѣзанныхъ углахъ, нишахъ и овальныхъ окнахъ есть какіе-то отзвуки творчества Де-Ламота.

1) *Чередѣевъ.* Біографія тверскихъ іерарховъ. Тверь 1859 г.

2) *„М. Ф. Казаковъ“.* Изданіе Архитектурнаго Общества. М. 1922 г.

Вспомнивъ о церкви Знаменія еще болѣе родственной ему, можно задать себѣ вопросъ, не принималъ ли Де-Ламотъ участія, хотя бы проектами, въ обстраиваніи Твери послѣ пожара и не былъ ли такимъ образомъ однимъ изъ руководителей Казакова?..

Изъ всей массы зданій, выстроенныхъ въ Твери послѣ 1763 года по проектамъ работавшихъ въ ней четырехъ московскихъ зодчихъ, сохранилось очень мало, и то, что сохранилось, далеко не избѣжало позднѣйшихъ поновленій и исправленій, нарушившихъ цѣльный обликъ города.

О томъ, какова была Тверь въ царствованіе Екатерины можно создать себѣ представленіе только по немногимъ уцѣлѣвшимъ площадямъ, отдѣльнымъ домамъ и церквямъ.

Одно изъ наиболѣе красивыхъ по замыслу мѣстъ — Судебная площадь. По мнѣнію И. Е. Бондаренко [1]) эту площадь проектировалъ и строилъ образующіе ее дома Казаковъ. Странно, въ такомъ случаѣ, почему художникъ не упоминаетъ объ этомъ въ прошеніи объ отставкѣ, приведенномъ А. Н. Успенскимъ [2]), гдѣ онъ тщательно перечисляетъ всѣ исполненныя имъ казенныя постройки. Вѣдь это была крупная казенная работа.

Изъ четырехъ бывшихъ здѣсь раньше, выдержанныхъ въ томъ же стилѣ, домовъ сохранились теперь только три: зданіе окружнаго суда, казенной палаты и казармъ; четвертый домъ перестраивается.

Зданіе казармъ очень просто и не останавливаетъ на себѣ вниманія: въ немъ слишкомъ мало чертъ типичныхъ для строительства эпохи Екатерины.

Несравненно интереснѣе расположенные крестъ на крестъ дома окружнаго суда и казенной палаты. Красивы ихъ довольно скромные, хотя и нарядные, фасады, очень характерные для того переходнаго стиля, съ котораго началъ Казаковъ. Ихъ дѣлятъ пилястры; главное украшеніе составляютъ богатая отдѣлка оконъ по серединѣ (съ боковъ они значительно проще—надъ ними только гирлянды) и фронтоны, увѣнчанные на верху императорской короной. Надо полагать, что при своемъ построеніи и остальные два дома были такъ же украшены.

Теперь площадь пересѣкаетъ трамвай, на ней разбитъ скверъ—все это ее какъ-то сузило, лишило грандіозности. Раньше она должна была казаться гораздо обширнѣе и величественнѣе.

О выстроенныхъ вдоль Милліонной по одному плану и въ одномъ характерѣ домахъ, о степени ихъ художественности и красоты теперь судить трудно. Они выкрашены въ разныя цвѣта, загромождены вывѣ-

---

1) И. Е. Бондаренко „М. Ѳ. Казаковъ“. М. 1912 г.

2) „Міръ Искусства“ 1904 г. № 12.

скамп—Миллiонная самая торговая улица,—и, очень вѣроятно, болѣе или менѣе и перестроены.

Объ этомъ можно пожалѣть: возможно что среди этихъ домовъ были работы Казакова, были тѣ выстроенные имъ «партикулярные» дома, о которыхъ онъ упоминаетъ, перечисляя въ прошенiи объ отставкѣ свои архитектурные труды.

Достовѣрная тверская работа Казакова, хотя и сильно искаженная позднѣйшими перестройками — дворецъ. На это есть указанiе въ его уже упоминавшемся выше прошенiи: «сдѣлалъ бывшiй Архiейерейскiй домъ, который назначенъ былъ для прибытiя въ Бозѣ почивающей любезной бабки вашей Императрицы Екатерины Вторыя»...

Исторiя дворца въ Твери такова: старинный архiерейскiй домъ сгорѣлъ въ пожаръ 1763 года. На его мѣсто по распоряженiю Императрицы былъ построенъ великолѣпный архiерейскiй домъ—дворецъ съ царскими при немъ покоями. Его-то очевидно и строилъ Казаковъ. При архiепископѣ Арсенiи [1]) (1775 — 1783 г.) архiерейскiй домъ былъ весь обращенъ въ дворецъ съ устроенiемъ въ немъ, въ одномъ изъ флигелей его [2]), церкви во имя св. Екатерины, со времени пребыванiя въ Твери Екатерины Павловны, называвшейся придворной.

Къ прiѣзду принца Ольденбургскаго съ супругой дворецъ, въ 1809 году, былъ опять перестроенъ и подновленъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ это большое изящное зданiе, расположенное въ формѣ буквы *п*. Боковыя крылья оканчиваются двумя крестообразными нарядно отдѣланными павильонами, въ одномъ изъ которыхъ церковь. Фасадъ центральнаго корпуса богато украшенъ и нѣсколько напоминаетъ фасадъ Зимняго петербургскаго дворца со стороны площади. Только тверской дворецъ проще и строже: мастеръ его строившiй уже проникнутъ новыми вѣянiями, исканiемъ строгой и ясной гармонiи. Но во всѣхъ деталяхъ: въ пилястрахъ, въ карнизѣ и роскошномъ фронтонѣ съ двумя женскими фигурами, поддерживающими щитъ, еще много любви къ пышности, много упоенiя изысканной нарядной красотой. Хотя женскiя фигуры на фронтонѣ выдержаны уже въ новомъ духѣ: строгими складками ложатся драпирующiя ихъ одежды; позы, лишены жеманства и манерничанья, такъ принятаго въ предыдущее царствованiе.

Оба павильона всей своей наружной отдѣлкой вполнѣ соотвѣтствуютъ центральному корпусу; такъ же изящны и нарядны ихъ расположенныя по угламъ парные пилястры и обработка оконъ. Они оба и церковь и жилое помѣщенiе увѣнчаны круглымъ куполомъ съ узкой башенкой—главкой наверху.

---

[1]) *Чередѣевъ*. Бiографiя тверскихъ iерарховъ. Тверь. 1859 г.

[2] *Щекатовъ*. Географическiй словарь. 1806 г. т. III.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тверь. Рождественскій женскій монастырь.

Простыми и строгими кажутся въ сравненіи съ упомянутыми выше частями дворца корпуса, служащіе переходами или соединеніями между главнымъ зданіемъ и павильонами. Они, поставлены позднѣе, повидимому, когда дворецъ перестраивался для великой княгини Екатерины Павловны.

Въ 60-хъ и даже 70-хъ годахъ XVIII вѣка не могли возникнуть эти гладкія, лишенныя украшеній стѣны, простые фронтоны, поддерживаемые суровыми, массивными колоннами. Ихъ полюбили русскіе зодчіе значительно позднѣе, уже въ первое десятилѣтіе Александровскаго царствованія...

Церковь Знаменія Божьей матери, вѣрнѣе ея главный входъ, одинъ изъ великолѣпно сохранившихся провинціальныхъ памятниковъ русскаго строительства временъ Екатерины II.

Сама по себѣ церковь Знаменія не представляетъ интереса. Впервые она упоминается, какъ деревянная въ 1709 году; въ 1745 году деревянное зданіе замѣнено каменнымъ, замѣчательнымъ только развѣ тѣмъ, что уцѣлѣло въ пожаръ 1763-го года, когда вся городская сторона превратилась въ груду развалинъ. Но поражаетъ входъ, совершенно необычный для русской православной церкви, напоминающій входъ въ барочный католическій костелъ. Онъ является почти точной копіей главнаго портала католической церкви св. Екатерины въ Петербургѣ, на Невскомъ, заложенной въ 1763 году по проекту архитектора Деламота: тѣ же проѣзды по обѣимъ сторонамъ, тѣ же колонны и пилястры, то же расположеніе оконъ. Но порталъ тверской церкви строже и суше по рисунку: окна, напримѣръ, на верху по сторонамъ арки лишены извилистыхъ линій петербургскаго прототипа.

Дата входа церкви Знаменія — неизвѣстна, да и о самой церкви извѣстны только двѣ даты: 1745 годъ — годъ построенія ея; 1792 годъ — перестройки.

Ни въ 1745 году,—въ эпоху расцвѣта искусства, овѣяннаго капризной фантазіей Растрелли, ни въ 1792 г., когда всѣ русскіе зодчіе увлекались классическими идеалами, не могъ быть выстроенъ этотъ порталъ, такой характерный для переходной полосы въ архитектурѣ, совпавшей съ первымъ десятилѣтіемъ царствованія Екатерины. Приходится допустить мысль, что онъ построенъ послѣ знаменитаго пожара 1763 года и что проектъ для него былъ данъ Деламотомъ. Слишкомъ уже много сходства въ входѣ знаменской церкви съ порталомъ петербургскаго костела! Мало вѣроятнымъ представляется другое предположеніе, что мастеръ, строившій тверскую церковь, заимствовалъ и буквально воспроизвелъ столь необычныя формы католической церкви Деламота. Пріѣхавшій въ 1759 году въ Россію и быстро завоевавшій себѣ славу одного изъ лучшихъ петербургскихъ архитекторовъ, Деламотъ могъ быть привлеченъ къ колоссаль-

ной работѣ по возсозданію Твери, хотя бы тѣмъ, что составлялъ проекты. Извѣстенъ случай, что по его проекту строили въ провинціи; въ 1765 году начата была по проекту, данному Деламотомъ постройка церкви въ Почепѣ [1]).

Церковь Знаменія стоитъ въ центрѣ города, въ переулкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Милліонной и недалеко отъ Дворцовой площади; естественно что ее строили внимательно и привлекли къ участью въ работѣ надъ ней большого художника...

Изъ позднѣйшихъ построекъ эпохи Александра I и первыхъ годовъ Николая, интересны въ Твери нѣкоторыя церковныя постройки,—вродѣ Рождественскаго женскаго монастыря или Вознесенской церкви, и залъ Дворянскаго собранія.

Рождественскій дѣвичій монастырь, за рѣкой Тьмакой, основанъ неизвѣстно когда и кѣмъ, но судя по упоминаніямъ о немъ въ историческихъ актахъ, задолго до XVI-го вѣка. Теперь въ немъ совершенно не сохранилось древнихъ сооруженій; самый старинный изъ его храмовъ построенъ въ 1770-ыхъ годахъ; всѣ остальныя строенія возникли въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX-го вѣка.

Это дѣлаетъ монастырь интереснымъ памятникомъ русской классической архитектуры. Значительныхъ въ художественномъ отношеніи построекъ въ немъ мало, но типичны всѣ и ярко отражаютъ на себѣ черты эпохи, вызвавшей ихъ къ жизни...

Вмѣстѣ со всей Тверью, Рождественскій монастырь въ началѣ XVII-го вѣка подвергся опустошенію отъ шаекъ самозванцевъ и впослѣдствіи Литвы и еще въ концѣ вѣка въ немъ по писцовымъ книгамъ значится только одна деревянная церковь во имя Рождества Христова («храмъ Рождества Христова шатромъ»). Въ 1770-ыхъ годахъ построенъ, какъ упомянуто выше, каменный храмъ, замѣнившій деревянную Рождественскую церковь; въ 1805 г. поставленъ надвратный храмъ Нерукотвореннаго Спаса, тщаніемъ графини Чернышевой.

Въ началѣ вѣка Рождественскій монастырь получалъ много пожертвованій отъ всѣхъ членовъ царской фамиліи: на крупныя суммы, собранныя такимъ путемъ, былъ начатъ постройкой въ 1810 году большой храмъ во имя Тихвинской Божьей Матери.

Въ 1813 году, почти доведенный до конца храмъ внезапно разрушился и вторичныя работы надъ нимъ были закончены только къ 1820 году. Храмъ Тихвинской Божьей Матери — одинъ изъ образцовъ того типа классическихъ соборныхъ храмовъ, который въ 1810-ыхъ годахъ былъ сильно распространенъ въ Тверской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.

---

[1]) *Горностаевъ*. «Строительство Разумовскихъ въ Черниговщинѣ».

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тверь. Залъ дворянскаго собранія 1840-ые г. г.

Такого типа Преображенскій соборъ въ Торжкѣ, соборъ въ Арзамасѣ и т. д. Это зданія всегда грандіозныя и внушительныя, часто красивыя, интересныя попыткой совмѣстить традиціонное старо-московское пятиглавіе съ колоннадами, фронтонами и другими пріемами классической архитектуры.

Довольно красива въ Рождественскомъ монастырѣ высокая, классическая колокольня.

Изъ остальныхъ тверскихъ классическихъ сооруженій привлекаетъ вниманіе выстроенная въ 1818 году на Милліонной церковь Вознесенія. Въ ней интересны спокойное величіе основныхъ формъ и мощная колоннада. Все просто и сурово до крайности: и стѣны и фронтонъ лишены какихъ бы то ни было украшеній.

Зданіе Дворянскаго собранія снаружи некрасиво и не представляетъ ни малѣйшаго интереса. Но внутри прекрасенъ двусвѣтный залъ. Коринфскія колонны несутъ богатый карнизъ, служащій подножіемъ для каріатидъ, изъ которыхъ образуется второй ярусъ. Вся зала очень классична, не несетъ никакихъ слѣдовъ упадка стиля и ее хочется отнести къ началу Александровскаго царствованія. Но въ книгѣ Чередѣева «Біографіи Тверскихъ іерарховъ» [1]) есть указаніе на то, что въ 1841 году архіепископъ Григорій служилъ молебенъ въ залѣ для присуствія Тверского Дворянскаго собранія во вновь отстроенномъ каменномъ домѣ. Это косвенное указаніе вмѣстѣ съ мѣстными преданіями, относящими постройку Дворянскаго собранія къ началу 40-ыхъ годовъ XIX-го вѣка, датируютъ залъ.

Залъ Тверского Дворянскаго собранія не единственный случай такого прекраснаго запаздыванія провинціи. Въ столицахъ въ серединѣ Николаевскаго царствованія уже назрѣвали новые вкусы; «смягчались» привычныя классическія формы, разорвать окончательно съ которыми еще не было рѣшимости, а въ провинціи забытые теперь художники все еще бережно развивали завѣты старой Академіи, все еще оставались вѣрными своимъ учителямъ Казакову, Захарову, Росси...

Впечатлѣніе города богатаго памятниками классической архитектуры, производимое Тверью, довершаетъ помѣщенная на окраинѣ, въ концѣ петербургскаго шоссе—застава. Во многихъ русскихъ городахъ сохранились заставы и часто это чисто практическое, бытовое учрежденіе получало художественную обработку; особенно тогда, когда застава вмѣстѣ со своимъ прямымъ назначеніемъ играла роль и тріумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ для встрѣчи государя. Среди заставъ, выстроенныхъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка и несущихъ на себѣ слѣды искусства эпохи классицизма—тверская одна изъ наиболѣе красивыхъ. Ее составляютъ два стройныхъ, высокихъ обелиска, соединенныхъ узорной металлической аркой...

---

[1]) *Чердњевъ.* Біографіи Тверскихъ іерарховъ. Тверь. 1859 г.

Въ правомъ корпусѣ дворца расположенъ теперь Тверской Историческій музей, о которомъ умѣстно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Среди провинціальныхъ хранилищъ древностей онъ выгодно выдѣляется. Въ немъ очень богато представлена мѣстная старина, не столько даже самого города Твери, сколько всего тверского края. Кромѣ того любопытенъ, хотя и составившійся изъ случайныхъ предметовъ, отдѣлъ русскихъ и западно-европейскихъ художественныхъ и бытовыхъ памятниковъ.

Въ третьей комнатѣ Музея сосредоточено больше всего памятниковъ мѣстной старины. Здѣсь есть памятники первыхъ вѣковъ культуры тверского края. Предметы эти довольно однообразны, но не лишены художественной обработки, а въ орнаментаціи ихъ попадаются подчасъ своеобразные мѣстные мотивы.

Въ шестой витринѣ—цѣлый рядъ вислыхъ свинцовыхъ печатей новоторжскихъ и новгородскихъ намѣстниковъ, печати епископовъ и монастырей. Одна изъ самыхъ древнихъ печатей, найденная въ Торжкѣ въ 1879 году—печать новоторжскаго намѣстника по каталогу 412. На ней изображенъ бородатый человѣкъ съ обнаженной головой, обведенной нимбомъ. «Двід» — Давидъ — вытиснуты по сторонамъ изображенія буквы. Въ 1159—60 годахъ въ Торжкѣ княжилъ Давидъ Ростиславовичъ; вѣроятно, что печать относится къ его времени, къ серединѣ XII вѣка.

Въ той же витринѣ находится еще нѣсколько печатей новоторжскихъ намѣстниковъ; одна (8785)—съ изображеніемъ митрополита Алексѣя, другая (9748)—съ изображеніемъ святителя Василія, найденныя въ Ржевѣ и Торжкѣ.

Къ XIV вѣку можно отнести двѣ печати: найденная въ Твери (3316) печать новгородскаго архіепископа Давида (1309 — 25 г.) съ изображеніемъ иконы Мирожской Божьей матери и каменная печать тверского епископа Варсонофія (1315—1329), найденная въ Ржевѣ. (5123).

Всѣ эти произведенія древне-русскаго искусства довольно несовершенны. Композиція изображеній почти всегда очень примитивна, хотя и не лишена пониманія ритма и гармоніи массъ, но отсутствіе техническаго навыка, грубость исполненія превращаютъ печати въ созданія какого-то робкаго младенческаго искусства. И не отсутствіе вкуса и чувства красоты, а именно слабая техника повинна въ этой примитивности: мы знаемъ, что въ тѣ же вѣка живопись и зодчество въ Новгородѣ дали совершенныя, вполнѣ зрѣлыя созданія!

Въ этой же витринѣ есть нѣсколько печатей позднѣйшихъ вѣковъ. Особенно характерны печати частныхъ лицъ, въ большинствѣ относящіяся въ XVII вѣку (5731, 530, 5739). Надписи на оборотной сторонѣ указываютъ имя ея владѣльца: «Се печать Микулина», «Печать Никиты Васильева сына» и т. д.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тверь. Застава на Петербургскомъ шоссе. Начало XIX-го в.

Въ седьмой витринѣ находится большое собраніе перстней. Художественный интересъ это традиціонное украшеніе человѣческой руки, придуманное какъ только человѣкъ научился обрабатывать металлы, пріобрѣтаетъ только въ концѣ XVII вѣка. До того они слабо орнаментированы, но и эта незначительная орнаментація позволяетъ дѣлать цѣнные выводы относительно вкусовъ, культурнаго уровня, торговыхъ сношеній населенія тверской области въ самые далекіе вѣка. Въ Твери и Старицѣ найдены перстни, говорящіе о связи съ волжскими булгарами и даже съ Индіей.

Въ той же витринѣ есть нѣсколько любопытныхъ предметовъ разнообразнаго назначенія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ загадочнаго происхожденія мѣдный сосудъ въ видѣ льва (2854), вытащенный рыбаками изъ Волги вблизи Калязинскаго монастыря.

Въ низу витрины помѣщена интересная принадлежность древне-русскаго быта—«каравайница». Это глиняный сосудъ—форма для печенія караваевъ. «Каравайница» украшена обычнаго типа орнаментомъ—птицей и двумя розетками. Кругомъ идетъ надпись: «За столъ сять, покушай, да вонъ поди». Склонность украшать всякіе предметы домашняго обихода юмористическими или поучительными надписями пришла въ московскую область въ концѣ XVII вѣка и особенно развилась въ первую половину XVIII. Къ этому времени должна относиться и каравайница съ вышеприведенной надписью.

Въ восемнадцатой витринѣ расположена очень богатая и разнообразная коллекція древнихъ орнаментовъ и украшеній. Историческая цѣнность этой коллекціи сильно увеличивается тѣмъ, что всѣ эти остатки древней культуры, относящіяся къ X, XI, XII и болѣе раннимъ вѣкамъ, найдены въ границахъ Тверской губерніи. Но и помимо научнаго значенія эта коллекція полна художественныхъ образцовъ древняго творчества.

На многихъ украшеніяхъ изображены птицы. Птица была излюбленнымъ изображеніемъ тверскихъ мастеровъ; монеты тверского княжества очень часто украшались подобнымъ же изображеніемъ птицы. Можно думать, что тѣ орнаменты и украшенія, въ которыхъ преобладаютъ «птичьи» мотивы, являются произведеніями мѣстныхъ тверскихъ мастеровъ.

На первой таблицѣ восемнадцатой витрины собраны такія мѣдныя птички, служившія украшеніями для одежды; имъ придавалась форма булавки съ заостреннымъ концомъ; возможно, что не только одежда украшалась этими мѣдными драгоцѣнностями.

Тутъ же находится серебряная серьга (11379), опять-таки съ подвѣской въ видѣ мѣдной птички. Серьга найдена въ Твери на берегу Волги. Затѣмъ рядъ металлическихъ пластинокъ съ изображеніемъ какихъ-то грозныхъ сказочныхъ звѣрей, мифическихъ птицъ и т. д. Иногда въ этихъ стилизованныхъ формахъ можно угадать льва, оленя, быка. При всей первобытности своего творчества, эти древніе мастера умѣли изъ линій тѣла

животнаго образовать красивый узоръ, причудливую сѣть переплетающихся линій. Всѣ эти предметы относятся къ самымъ раннимъ вѣкамъ существованія Твери.

На четвертой таблицѣ выдается бронзовый орнаментъ — накладка. (4213). И. Е. Забѣлинъ отнесъ этотъ предметъ, найденный въ Тверскомъ уѣздѣ на берегу Волги, къ X вѣку. Несмотря на грубость работы, на большую зависимость мастера отъ матеріала, нельзя не замѣтить красоты и правильности узора.

На шестой таблицѣ, среди многочисленныхъ пряжекъ, запонокъ и бляхъ, есть два предмета, увѣренно относимыхъ къ XII вѣку. Въ Осташковскомъ уѣздѣ найдена привѣска (1027) съ прорѣзнымъ изображеніемъ орла, мастерски сдѣланнымъ изъ плетеній. Это ювелирное произведеніе, несомнѣнно, занесено изъ Скандинавіи. Въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ найдена бронзовая пряжка (440). На ней изображенъ излюбленный въ XI и XII вѣкахъ орнаментальный мотивъ—орелъ, клюющій и когтящій извивающагося крылатаго дракона.

Въ Тверскомъ музеѣ особенной полнотой отличается отдѣлъ предметовъ древне-русскаго быта и домашняго обихода. Они принадлежатъ XVII и XVIII вѣкамъ. Въ столицахъ въ серединѣ XVIII-го вѣка уже были забыты допетровскіе художественные вкусы; хоть и слабо, хоть и въ сильно упрощенномъ и обрусѣломъ видѣ повторяютъ художники и ремесленники формы моднаго барокко; но провинціальное творчество все еще живетъ эпохой Алексѣя Михайловича. Тѣмъ не менѣе духъ времени пробивается то въ случайномъ заимствованіи видѣнныхъ западныхъ формъ, то въ большей технической ловкости, то въ приспособленіи къ потребностямъ новаго, «европеизировавшагося» быта. Любопытны въ историческомъ отношеніи курьезныя поддѣлки и подражанія русскихъ провинціальныхъ мастеровъ европейскимъ и петербургскимъ художникамъ...

Въ третьей витринѣ собрана масса туалетныхъ коробочекъ и ларчиковъ. Служившія преимущественно для храненія румянъ и бѣлилъ, отѣ появились у русскихъ щеголихъ въ концѣ XVII вѣка и особенно были въ употребленіи на всемъ протяженіи XVIII. Это были излюбленныя драгоцѣнности, бережно передававшіяся по наслѣдству отъ одного поколѣнія другому; матеріаломъ для нихъ служило серебро, янтарь, перламутръ, золото, слоновая кость; ихъ украшали филигранью, рѣзьбой по кости, инкрустаціями и живописью. Соотвѣтственно съ нѣжнымъ и изящнымъ назначеніемъ вещицы, ея стѣнки покрывались игривыми и поэтичными изображеніями: цвѣтами, бѣбочками, амурами, голубками, букетами и гирляндами.

Среди подобныхъ предметовъ Тверского музея особенно любопытенъ перламутровый ларчикъ съ золотыми инкрустаціями (1204); онъ изящно оправленъ въ серебро. Это западная работа XVII вѣка; вообще эти изящныя бездѣлушки преимущественно привозились изъ-за границы. Въ XVII вѣкѣ

поставщицей ихъ была Голландія; грубоватый, «бюргерскій» вкусъ голландцевъ близко подходилъ къ эстетическимъ требованіямъ людей древней Руси.

Въ той же витринѣ находятся нѣсколько табакерокъ. Изъ нихъ нужно отмѣтить прекрасный образецъ русской работы конца XVII вѣка (7023)—табакерку слоновой кости съ крышкой, оправленной въ серебро. На табакеркѣ рѣзное изображеніе двухъ птицъ и цвѣтка между ними, съ подписью «вѣрность соединяетъ насъ». На задней сторонѣ—два пылающія сердца, по сторонамъ ихъ цвѣты и подпись—«изъ двухъ едино».

Далѣе идетъ рядъ прекрасныхъ гребенокъ, рѣзныхъ изъ слоновой кости (2033). Однако, лучшіе образцы ихъ заграничнаго происхожденія; здѣсь совершенно нѣтъ славившихся въ XVIII вѣкѣ поморскихъ издѣлій изъ рѣзной моржовой кости.

Очень богата предметами стараго быта восьмая витрина. Оригинальны богато представленные «свѣтцы» для горящей лучины, долгіе вѣка замѣнявшей въ русскомъ быту теперешнія свѣчи, керосинъ и электричество; желѣзныя коромысла, одно (7133) даже датированное 1660 годомъ; желѣзныя дверныя кольца, замѣнявшія звонки и помѣщавшіяся на воротахъ богатыхъ домовъ; желѣзныя узорчатыя дверныя петли; старинныя, опять-таки желѣзныя вѣшалки...

Здѣсь невозможно перечислить всѣхъ сокровищъ Тверского музея. Художественныхъ памятниковъ въ немъ немного и они далеко не являются первоклассными произведеніями искусства, но древній бытъ представленъ такъ полно и такими хорошими образцами, что по нимъ легко возсоздать весь своеобразный укладъ жизни старой Руси...

Много интересныхъ предметовъ церковнаго обихода: старинной церковной утвари, иконъ и священныхъ изображеній, вырѣзанныхъ изъ дерева.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тула. Стѣны кремля (1514-1521 г. г.) и кремлевскіе соборы.

Тула.

Есть города съ опредѣленной, имъ однимъ присущей, физіономіей: таковъ Ростовъ—городъ XVII вѣка, такова Тверь—городъ русскаго Louis XVI. ранняго Екатерининскаго классицизма, такова Калуга — городъ empire'ныхъ барскихъ особняковъ...

Тула не принадлежитъ къ этимъ счастливымъ городамъ; въ ней есть нѣсколько интересныхъ памятниковъ, но всѣ они разныхъ эпохъ, всѣ существуютъ какъ то по отдѣльности, не придавая единства облику города. Кремль, древняя церковь на архіерейскомъ дворѣ, развалины дома временъ Елизаветы, нѣсколько хорошихъ классическихъ Екатерининскихъ и Александровскихъ строеній—все это на фонѣ сѣрыхъ обывательскихъ домовъ.

Такова Тула—одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Въ лѣтописяхъ имя этого города встрѣчается очень рано: уже подъ 1147 годомъ есть извѣстіе о томъ, что князь Новгородъ-Сѣверскій и Курскій, преслѣдуемый своими братьями, пробился сквозь ихъ дружины подъ Карачеевымъ и скрылся въ лѣсахъ вятичей, гдѣ съ остатками своего войска и приставшей къ нему вольницей ходилъ собирать дань съ Тулы и другихъ городовъ. Самостоятельнымъ княжествомъ Тула едва ли когда нибудь была—она находится то во владѣніи Рязани, то переходитъ къ Москвѣ, всегда играя роль только крѣпости, являясь оборонительнымъ пунктомъ отъ грозившихъ съ юга враговъ.

Въ серединѣ XIV вѣка Тула принадлежала ханшѣ Тайдулѣ, женѣ Чанибека и управлялась ея баскаками; потомъ перешла къ князю рязанскому Олегу Ивановичу, у котораго отобралъ ее Дмитрій Донской. Къ Рязани она опять переходитъ въ 1403 году, когда князь московскій Василій Дмитріевичъ добровольно уступилъ ее своему зятю Θеодору Олеговичу Рязанскому.

При Иванѣ III Тула вмѣстѣ со всѣмъ удѣломъ рязанскаго князя по духовному его завѣщанію становится окончательно собственностью Москвы.

Сознавая важное стратегическое значеніе Тулы, великіе князья Московскіе заботятся объ укрѣпленіи города: въ 1509 году по повелѣнію вел. князя Василія III заложена на лѣвомъ берегу Упы дубовая крѣпость съ двойной стѣной и перерубами. Эта крѣпость, или острогъ, съ бойницами, воротами и пролазами (проходы для пѣшеходовъ), вооруженная пушками и пищалями, просуществовала до временъ Елизаветы Петровны, когда въ 1741 году была разобрана и окружавшія ея рвы сравнены съ землей.

Въ 1514-21 гг. тотъ же великій князь приказалъ построить для защиты города отъ набѣговъ татаръ и Литвы каменный кремль; стѣны кремля, имѣющія 490 саженъ въ окружности и 5—6 саженъ высоты, сохранились до нашего времени, правда въ значительно измѣненномъ видѣ.

Есть возможность предполагать, что до построенія при Василіи III деревяннаго острога, Тула находилась на противоположномъ, правомъ берегу Упы: до сихъ поръ на этомъ берегу есть мѣсто, называемое городищемъ, по преданію старинное мѣстоположеніе города.

Въ 1649 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было окопать валомъ третій—земляной или завитай—городъ.

Представляя собою хорошо обстроенную и вооруженную крѣпость Тула постоянно подвергалась нападеніямъ враговъ и первая встрѣчала удары, направленные съ юга на Москву. Одно изъ раннихъ опустошительныхъ нападеній былъ въ 1382 году, когда ханъ Тохтамышъ, идучи черезъ Серпуховъ къ Москвѣ, основательно опустошилъ тульскіе предѣлы.

Въ болѣе позднее время Тулу не оставляютъ въ покоѣ крымскіе татары: въ одной только второй половинѣ XVI вѣка такихъ набѣговъ было пять. Въ 1552 году городъ осаждалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей; въ 1555 году онъ вторично вторгся въ тульскіе предѣлы; меньше двадцати лѣтъ спустя въ 1571 году тотъ же ханъ сдѣлалъ третье нападеніе на Россію, выжегъ и опустошилъ всю тульскую землю. Въ этотъ разъ, по преданію, хана велъ къ Москвѣ бѣлевскій уроженецъ Кудеяръ-разбойникъ, о которомъ до сихъ поръ еще ходятъ въ Тулѣ фантастическія легенды. Черезъ годъ Девлетъ-Гирей прошелъ по сѣверной части теперешней Тульской губерніи. Въ 1592 году татары вторглись въ Тульскій и Каширскій уѣзды, разграбили и пожгли села, а жителей цѣлыми толпами увели въ плѣнъ.

Въ Смутное время Тула, какъ и Калуга стала ареной военныхъ дѣйствій между самозванцами и шайками ихъ сторонниковъ съ одной стороны и войсками московскаго правительства съ другой. Еще плохо оправившаяся послѣ частыхъ посѣщеній крымскихъ татаръ, Тула вновь подвергается разоренію и грабежамъ отъ идущихъ съ юга казацкихъ царьковъ съ дикими толпами ихъ приверженцевъ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Тула. Церковь Похвалы Богородицы на архіерейскомъ дворѣ.

Безпокойное и кровавое прошлое Тулы не создало благопріятныхъ условій для сохраненія въ ней памятниковъ старины. Можно только удивляться, какъ уцѣлѣло и то немногое, что хотя бы и въ нѣсколько подправленномъ видѣ, дожило до нашихъ дней. Да едва ли въ Тулѣ строилось что нибудь художественно значительное; городъ-крѣпость, вѣчно живущій въ ожиданіи непріятельскихъ нападеній, городъ, гдѣ рано не стало князей — этихъ главныхъ строителей въ древней Руси, — онъ довольствовался вѣроятно только необходимыми зданіями, мало заботясь объ ихъ красотѣ.

Въ царствованіе Петра I-го значеніе Тулы, съ основаніемъ въ ней перваго въ Россіи оружейнаго завода, сильно возрастаетъ; но внѣшній видъ ея измѣняется мало: въ теченіе первой половины XVIII-го вѣка появляются, правда, роскошные, выстроенные по проектамъ лучшихъ художниковъ, дома, но ихъ мало, они являются только блестящими исключеніями на общемъ фонѣ безпорядочныхъ и некрасивыхъ строеній. Очень вѣроятно, что, не принимая во вниманіе такихъ купеческихъ дворцовъ, какъ дома Демидовыхъ, Тула до открытія въ ней въ 1777 году намѣстничества представляла собою ту же картину, что и Калуга—т.-е. грязь, тѣсноту, скученность деревянныхъ домовъ.

Нѣкоторое указаніе на это даетъ бывшій въ Тулѣ въ 1781 году, т.-е. спустя только четыре года послѣ открытія губерніи, В. Зуевъ. Многое еще во внѣшнемъ обликѣ города сохранилось въ такомъ видѣ, какой имѣло до открытія: «строенія въ ней,—пишетъ о Тулѣ Зуевъ,—большей частью деревянное, простое, непорядочное, улицы тѣсныя, кривыя, худо вымощенныя [1])».

Съ 1770-ыхъ годовъ Тула вступаетъ въ полосу процвѣтанія и быстраго роста. Въ 1775 году городъ посѣтила Екатерина Великая и пріѣздъ ея имѣлъ для Тулы такое же громадное значеніе, какъ для большинства провинціальныхъ городовъ. «Тулу можно бы почесть, — пишетъ одинъ изъ историковъ города, — за одно изъ созданій Екатерины, такъ она ее украсила. Большая часть деревянныхъ домовъ уже уступила мѣсто каменнымъ»...

Въ 1777 году Тула была сдѣлана главнымъ городомъ губерніи и присоединена къ только что открытому Калужскому намѣстничеству. Для открытія губерніи прибылъ «великолѣпный» намѣстникъ Кречетниковъ и обставилъ его такими же поразившими жителей празднествами и торжествами, какъ и въ Калугѣ.

Болотовъ въ своихъ интересныхъ запискахъ сохранилъ описаніе торжественнаго открытія: намѣстникъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до торжествъ, остановился въ домѣ Демидовыхъ, самомъ лучшемъ изъ всѣхъ

---

[1]) В. Зуевъ. „Путешественныя записки, изданныя Академіей Наукъ". Спб. 1781 г.

городскихъ строеній; для всего собранія дворянъ былъ назначенъ одинъ изъ обширныхъ, находившихся на главной улицѣ купеческихъ домовъ; другой домъ Демидовыхъ былъ приспособленъ для баловъ, маскарадовъ и вечеровъ. Подъ вновь открытыя присутственныя мѣста до построенія особыхъ зданій были отведены лучшіе обывательскіе дома.

Народу изъ Тульской и сосѣднихъ губерній—наприм. Калужской, съѣхалось такое множество, что недоставало квартиръ для помѣщеній. «Вся Тула, по выраженію Болотова, кипѣла тогда народомъ». Блестящей вереницей слѣдовали одинъ за другимъ обѣды, маскарады, фейерверки, даже театральныя представленія въ наскоро построенномъ просторномъ деревянномъ «театральномъ домѣ»...

Догорѣли послѣдніе огни пышныхъ торжествъ и для Тулы наступило время кипучей работы: воздвигались одно за другимъ казенныя зданія, частные дома, рядъ общественныхъ сооруженій. «Подлинно городъ сей, въ сравненіи тогдашняго (т.-е. до открытія губерніи) его состоянія съ нынѣшнемъ ничего почти не значилъ,—писалъ въ началѣ XIX-го вѣка Болотовъ,—и въ теченіе протекшихъ съ того времени 30 лѣтъ онъ такъ во всемъ преобразился и произошло въ немъ столь много важныхъ перемѣнъ, какъ въ разсужденіи красоты и порядка строенія, такъ и другихъ обстоятельствъ, что есть ли бы можно было воскресить нынѣ кого-нибудь изъ умершихъ въ тогдашнее время, то онъ и не узналъ бы его совсѣмъ и почелъ бы какимъ-нибудь другимъ городомъ [1])»...

Но благодаря ли отсутствію въ Тулѣ богатыхъ дворянъ и культурныхъ купцовъ, строившихъ себѣ, хотя бы въ Калугѣ, великолѣпные дома и особняки и, поручавшихъ составленіе проектовъ для нихъ лучшимъ мастерамъ столицы, здѣсь нѣтъ ни одного поражающаго красотой классическаго зданія. Много хорошихъ, стильныхъ, грамотно-сдѣланныхъ казенныхъ и частныхъ домовъ, въ большинствѣ которыхъ чувствуется школа, но нѣтъ ни одного, которымъ хотѣлось бы любоваться, въ которомъ запечатлѣлось бы творческое вдохновеніе большого художника. Самымъ прекраснымъ въ Тулѣ все же являются строенія Елизаветинскаго царствованія—ворота и полуразрушенный домъ въ Ломовскомъ переулкѣ...

Древнѣйшій памятникъ Тулы, пережившій вмѣстѣ съ городомъ кровавыя страницы его исторія—кремль. Выстроенный въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка онъ прожилъ почти четыреста лѣтъ, но обаянія сѣдой, нахмуренной старины въ немъ нѣтъ. Потому ли что не красиво мѣстоположеніе его на гладкой ровной плоскости,—потому ли что слишкомъ все въ немъ чисто и ново, но Тульскій кремль наименѣе живописный изъ всѣхъ сохранившихся въ старыхъ городахъ кремлей. Ничто въ немъ не напо-

---

[1]) А. П. Болотовъ. „Записки“ изд. „Русской Старины“.

Фото тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тула. Успенскій соборъ въ кремлѣ.

минаетъ крѣпость: нѣтъ чуткой настороженности крѣпкихъ башенъ-бойницъ, вызывающей въ памяти жуткіе и плѣнительные образы давняго прошлаго, не кажутся неприступной твердыней невысокія зубчатыя стѣны.

Исторія Тульскаго кремля такова: выстроенный въ 1514—1521 году, онъ былъ расчищенъ и реставрированъ въ царствованіе Екатерины Великой: всѣ постройки, бывшія въ его стѣнахъ, разобраны, и перенесены на другое мѣсто, оставлены только старинный Успенскій соборъ съ колокольней, да небольшая екатерининская съ неизбѣжной колоннадой гауптвахта, прилѣпившаяся къ одной изъ стѣнъ. (Эта гауптвахта уже существовала въ 1781 году—о ней упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» Зуевъ). Вѣроятно во время реставраціи, можетъ быть въ замѣнъ обрушившейся древней башни съ воротами, были устроены такъ не идущія къ общему облику кремля Одоевскія ворота съ надстройкой своеобразной формы, напоминающей церковную главу.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Тульскій кремль имѣетъ четыре круглыхъ по угламъ глухихъ башени и пять четвероугольныхъ посрединѣ стѣнъ: изъ нихъ четыре съ воротами, одна—глухая. Кромѣ куполообразной башни надъ Одоевскими воротами, значительно превосходящей вышиной всѣ другія, и надвратныя и угловыя башни кремля не высоки (онѣ всѣ по 9 саженъ. высоты), приземисты и мало выдѣляются надъ общей массой стѣнъ, достигающихъ 5 и 6 саженъ.

Однимъ изъ старинныхъ сооруженій Тулы является шатровая церковь Похвалы Богородицы на архіерейскомъ дворѣ. До 1799 года строенія, отошедшія подъ архіерейскій домъ, составляли Предтеченскій монастырь, одинъ изъ старѣйшихъ въ Тулѣ. Онъ былъ основанъ туляками съ воеводой Темкинымъ-Ростовскимъ во главѣ, въ память благополучнаго избавленія Тулы отъ осаждавшихъ ее въ 1552 году толпъ крымскихъ татаръ подъ предводительствомъ хана Девлетъ-Гирея.

Церковь Похвалы Богородицы, правда не въ современномъ своемъ видѣ, существовала съ давнихъ поръ. Писцовыя книги города Тулы 1587-89 гг. упоминаютъ о ней: «въ Тулѣ, на посадѣ въ Никицкомъ концѣ монастырь Предотеченскій, а въ немъ церковь третіе обрѣтеніе честныя главы Ивана Предотечи, а другая теплая церковь Похвалы Пречистые Богородицы да предѣлъ Николы Чюдотворца, древяны, клѣтцки... «Неизвѣстно, когда была замѣнена деревянная церковь Похвалы Богородицы теперешней каменной, но во всякомъ случаѣ не позднѣе половины XVII вѣка. Въ Тулѣ Похвалинская церковь слыветъ самой древней въ городѣ, едва ли не первой каменной послѣ основанія города (т.-е. правильнѣе его переноса на лѣвобережную сторону). Да и архитектура ея, особенно шатровое покрытіе небольшой продолговатой, обнесенной галлереею-папертью, церкви указываетъ на первую половину XVII вѣка.

Очень распространенный въ XVI и началѣ XVII вѣка типъ шатровыхъ церквей со второй половины этого вѣка терпитъ гоненія со стороны высшихъ церковныхъ властей и преслѣдуется ими, какъ архитектурная форма, не соотвѣтствующая церковному чину.

За очень небольшими исключеніями всѣ сохранившіеся каменные шатровые храмы сооружены до второй половины XVII вѣка. Итакъ, все говоритъ за то, что похвалинская церковь возникла въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка.

Въ настоящемъ своемъ видѣ она, вѣроятно, сильно реставрирована, особенно въ деталяхъ—нѣтъ характерныхъ для произведеній древне-русскаго зодчества, оконныхъ наличниковъ, карнизовъ и т. д. Но основныя формы—продолговатое зданіе съ алтарными выступами и галлереей-папертью, и три различной величины шатра, поставленные въ одну линію, сохранились вполнѣ и совершенно не утратили своего типичнаго облика.

При тульскомъ архіерейскомъ домѣ въ ризницѣ находится довольно интересное собраніе церковно-археологическихъ предметовъ—старинныхъ образовъ, крестовъ, богослужебныхъ книгъ и т. д...

Въ кремлѣ еще одинъ памятникъ тульской старины—величественный и массивный Успенскій соборъ.

Въ сборникѣ, посвященномъ столѣтнему юбилею Тульской епархіи есть свѣдѣнія о томъ, что соборъ построенъ въ 1755—63 годахъ. Это представляется мало вѣроятнымъ. Вся архитектура собора относитъ его къ до-петровскому времени. Вполнѣ допустимымъ является предположеніе, что онъ построенъ въ XVI или XVII-мъ вв. и что какъ и для всѣхъ соборныхъ храмовъ, возникавшихъ въ московской области въ эти вѣка образцомъ для тульскаго Успенскаго собора послужилъ одноименный московскій кремлевскій соборъ. Въ тульскомъ соборѣ тоже традиціонное пятиглавіе, тѣ же приземистые тяжелые купола. При построеніи своемъ, онъ, конечно, былъ лишенъ украсившихъ его позднѣе причудливыхъ лѣпныхъ узоровъ; гладь стѣнъ могла нарушаться только карнизомъ или поясомъ арокъ.

Въ 60-ыхъ годахъ XVIII-го соборъ могъ быть реставрированъ и получить тогда лѣпныя украшенія, нарушившія суровую простоту его основныхъ формъ. Въ 1772—75 гг. была построена по проекту архитектора Праве прекрасная высокая колокольня, соединенная съ соборомъ аркой-портикомъ. Колокольня типичное строеніе середины XVIII вѣка: нарядная, пышная, очень красивая со своими парными колоннами по угламъ и разорванными фронтонами во второмъ ярусѣ, законченная высокимъ узкимъ шпицемъ. Этотъ шпицъ поставленъ уже послѣ 1781 года, т. к., говоря о тульской соборной колокольнѣ, Зуевъ отмѣчаетъ, что «она шпицемъ еще не докончена». Углы третьяго и четвертаго ярусовъ украшены небольшими вазами.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образование"

Тула. Ворота дома Платоновой, бывшаго Демидовыхъ. Начало 1740-хъ годовъ.

Оригинальная мысль явилась у художника, строившаго колокольню; онъ задумалъ соединить соборъ и колокольню переходомъ изъ такихъ же парныхъ, стройныхъ съ нарядными капителями колоннъ.

Получилось нѣчто своеобразное, нигдѣ больше не встрѣчающееся и красивое. Интересна самая мысль поставить стройную колокольню такъ близко, совсѣмъ почти рядомъ съ соборомъ; его грузныя формы особенно ярко выдѣляютъ ея граціозную легкость и гордую устремленность кверху; а благодаря тонко задуманному переходу соборъ и колокольня, два зданія, созданныхъ въ совершенно различныя эпохи, тѣсно слились, составивъ одно цѣлое—красивую архитектурную группу.

Мало извѣстенъ строитель Успенской колокольни и перехода къ собору; но смѣлый замыселъ и мастерство исполненія говорятъ о хорошемъ зодчемъ.

Уже въ Елизаветинское время Тула имѣла безспорно художественныя сношенія съ Москвой и Петербургомъ. Есть въ этомъ городѣ одинъ памятникъ русской архитектуры временъ Елизаветы, и притомъ памятникъ первоклассный, не оставляющій ни на одну минуту сомнѣній въ томъ, что надъ нимъ работалъ, или по крайней мѣрѣ далъ проектъ для него крупнѣйшій художникъ.

Это ворота и находящійся за ними во дворѣ полуразрушенный домъ въ Ломовскомъ пер. Съ переулка, тихаго, пустыннаго, тѣснаго, домъ почти не видѣнъ—онъ далеко въ глубинѣ двора—и страннымъ и неожиданнымъ представляется видъ этихъ точно изъ-подъ земли выросшихъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ прелестныхъ воротъ.

Они въ жалкомъ видѣ; задѣланы грубыми досками проѣзды, валится штукатурка и пробиваются среди прихотливыхъ узоровъ дерзкіе побѣги молодой зелени—и все же мимо нихъ нельзя пройти равнодушно, не залюбовавшись ихъ тонкой, изысканной, обреченной на гибель, красотой.

Если войти во дворъ (ворота задѣланы и входить приходится съ противоположнаго конца усадьбы, съ Воздвиженской улицы) станетъ понятной тайна появленія воротъ въ глухомъ переулкѣ. Въ глубинѣ двора, стиснутый неуклюжими новыми постройками—большой домъ, обращенный въ складъ мастерской гробовъ, надмогильныхъ крестовъ и т. п. Облупленный, ободранный съ заколоченными досками окнами, онъ сохранилъ кое-что изъ былого своего великолѣпія, слабые отзвуки, поблекшія черты растреллієвскаго стиля...

Въ Тулѣ ворота, о домѣ мало кто знаетъ, слывутъ остатками Екатерининскаго дворца.

Въ 1744 году пріѣхавшая, проѣздомъ въ Кіевъ, въ Тулу Императрица Елизавета Петровна остановилась въ только что отстроенномъ съ дворцовой роскошью великолѣпномъ домѣ мѣстнаго богача А. Н.

Демидова. Въ этомъ же домѣ принимали впослѣдствіи Екатерину Великую [1]) и въ немъ же жилъ и давалъ празднества тульскому дворянству открывавшій губернію намѣстникъ Кречетниковъ [2]). Въ 1779 году громадный пожаръ опустошилъ домъ; владѣлецъ его продалъ свое родовое мѣсто заводчику Баташеву.

Дальнѣйшіе слѣды существованія этого дома теряются: но то, что домъ въ Ломовскомъ пер. безспорно и очевидно созданъ въ Елизаветинское время, то что больше въ Тулѣ нѣтъ никакихъ остатковъ отъ другого строенія этой же эпохи, притомъ строенія богатаго и великолѣпнаго, то, наконецъ, что народное преданіе опредѣленно указываетъ на этотъ домъ, какъ на дворецъ Екатерины, даетъ возможность утверждать, что домъ Демидовыхъ и есть этотъ самый, разрушающійся домъ.

Къ сожалѣнію, ничего не извѣстно о томъ, что было съ домомъ Демидовыхъ послѣ пожара: поправили ли его и жилъ ли въ немъ кто-нибудь или онъ такъ и оставался въ теченіе ста съ лишнимъ лѣтъ полуразрушеннымъ и ободраннымъ, предназначенный къ слому и какимъ-то чудомъ сохранившійся...

Жуткій призракъ ушедшей безвозвратно жизни, домъ въ Ломовскомъ пер. породилъ нѣсколько путанныхъ, неправдоподобныхъ легендъ: говорятъ, что на немъ положенъ зарокъ такой, что его и ломъ не беретъ, и огонь не разрушаетъ, что подъ нимъ подвалы съ громадными богатствами, зарытыми построившимъ его нѣсколько вѣковъ тому назадъ („поболѣе пятисотъ лѣтъ"), разбойничьимъ княземъ Кудеяромъ, и что когда-то въ одной изъ стѣнъ его была вдѣлана желѣзная доска, на которой „все прописано"; но ея снялъ и куда-то запряталъ одинъ изъ владѣльцевъ...

Ворота сохранились гораздо лучше дома и даютъ яркое и полное представленіе о пышномъ дворцовомъ искусствѣ временъ Елизаветы. Красивыя арки забиты, правда, сѣрыми досками, но сохранились еще причудливыя линіи барокко, вьющія камень, какъ воскъ, превращающія его въ ювелирное издѣліе, покрытое сѣтью рокайлей. Громадное мастерство, обнаруживающее руку Растрелли, чувствуется въ этомъ поростающемъ травой и деревцами, художественномъ обломкѣ. Въ каждой линіи, въ каждомъ капризномъ завиткѣ украшеній виденъ большой мастеръ, тонкій изощренный художникъ.

Растрелли это или нѣтъ? Здѣсь духъ Растрелли, потому что все созданное въ эпоху Елизаветы полно имъ. Но невѣроятно, чтобы Растрелли былъ въ Тулѣ и строилъ лично, хотя бы и для Демидовыхъ, крупнѣй-

---

1) Шумиловъ. Исторія гор. Тулы и Тульскаго Императорскаго оружейнаго завода.

2) А. П. Болотовъ. „Записки" изд. „Русской старины".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Тула. Домъ Платоновой, бывшій Демидовыхъ, въ Ломовскомъ переулкѣ. Начало 1740-хъ годовъ.

шихъ богачей и культурныхъ людей, изъ которыхъ, не одинъ отличался любовью къ наукамъ и искусствамъ и покровительствовалъ ученымъ и художникамъ.

Авторомъ дома не можетъ быть и одинъ изъ учениковъ Растрелли: домъ построенъ въ началѣ царствованія Елизаветы, когда у мастера еще не было фанатичныхъ послѣдователей, подражавшихъ ему часто до иллюзіи. Остается одно—проектъ далъ Растрелли, строилъ же культурный художникъ, сумѣвшій понять и передать весь замыселъ великаго Елизаветинскаго зодчаго.

Ворота Демидовскаго дома—рѣдкость не только для Тулы; такихъ подлинныхъ растреллієвскихъ произведеній мало сохранилось въ провинціи и даже въ Москвѣ. Чуднымъ образчикомъ гражданской Елизаветинской архитектуры, если не считать Петербургскихъ дворцовъ, только и являются Тульскія ворота, да московская 4-я гимназія на Покровкѣ.

Относительно дома еще труднѣе рѣшить: Растрелли ли давалъ проектъ или нѣтъ. Слишкомъ все искажено. Въ планѣ зданіе довольно сложно; оно образуетъ три квадратныхъ выступа, создающихъ впечатлѣніе какъ бы центральнаго корпуса и двухъ крыльевъ. Еще цѣлы витієватыя капители и сами колонны по угламъ выступовъ во второмъ этажѣ; сохранилась кое-гдѣ типичная для Елизаветинской эпохи нарядная обработка оконъ—больше ничего.

Трудно дѣлать какіе-нибудь выводы на основаніи такихъ немногихъ признаковъ, безполезно стараться отгадать по нимъ, кто былъ авторомъ дома. Несомнѣнно одно—это былъ роскошный частный дворецъ типа, выработаннаго Растрелли и знакомаго намъ по его болѣе счастливымъ Петербургскимъ постройкамъ...

Странная судьба многихъ историческихъ и художественныхъ памятниковъ Россіи: созданіе большого художника, зданіе интересное и своей исторіей, Тульскій домъ Демидовыхъ заброшенъ, забытъ и на него наталкиваешься только случайно.

Великолѣпный дворецъ—видѣвшій въ своихъ стѣнахъ пышные дворы Елизаветы и Екатерины, блестящія празднества Кречетникова, первые выборы тульскаго дворянства—является теперь складомъ для надгробныхъ ремесленныхъ памятниковъ, держится только на волоскѣ—каждую минуту рискуя быть проданнымъ на сломъ или передѣланнымъ въ сарай, амбаръ или что-нибудь подобное...

Въ Тулѣ есть еще одно зданіе, которое хочется отнести къ Елизаветинской эпохѣ. Это домъ мужской гимназіи на улицѣ Менделѣева—четырехэтажное, большое зданіе съ очень красивымъ, богато-украшеннымъ фасадомъ...

Изъ позднѣйшихъ построекъ, сдѣланныхъ въ городѣ уже послѣ открытія намѣстничества, въ Екатерининское и Александровское время, инте-

ресны застава на Кіевской улицѣ, зданіе Земской больницы и Коммерческаго училища.

Застава стоитъ въ концѣ Кіевской улицы. Когда-то это была лучшая улица города, гдѣ сосредоточивался центръ общественной жизни. Здѣсь помѣщались присутственныя мѣста, Александровское благородное училище, Дворянское Собраніе и т. д. Здѣсь когда-то были лучшіе обывательскіе дома, выстроенные по словамъ Щекотова въ «новой архитектурѣ» и представляющіе собой лучшее украшеніе города.

Застава состоитъ изъ двухъ стройныхъ обелисковъ, увѣнчанныхъ двуглавыми орлами, опирающимися на тульскій гербъ. Раньше для пріѣзда Императрицы Екатерины на этомъ мѣстѣ были воздвигнуты двѣ тріумфальныхъ деревянныхъ арки...

Зданія, находящіяся на Кіевской улицѣ и вызвавшія когда-то восторженные отзывы Щекотова: Благородное училище, присутственныя мѣста, воспитательный домъ и т. д. не представляютъ ничего интереснаго. Благородное училище, теперь Дворянскій пансіонъ, повидимому дѣйствительно бывшее раньше красивымъ зданіемъ, теперь сильно реставрировано, расширено. Перестройки исказили цѣльность замысла и лишили его и стильности и красоты.

Внушительное впечатлѣніе производитъ зданіе Земской больницы, на берегу Упы. Хороша мощная строгая колоннада фасада, но все зданіе слишкомъ вытянуто и слишкомъ просто.

Красивъ домъ Коммерческаго училища, собственно средняя часть его,—боковыя пристроены вѣроятно, позднѣе,—украшенная фронтономъ и массивной колоннадой...

Полоса процвѣтанія наступила для Тулы гораздо позднѣе того времени, когда возникъ домъ Демидовыхъ; въ 70-ыхъ годахъ XVIII-го вѣка городъ украсился цѣлымъ рядомъ общественыхъ, казенныхъ и частныхъ зданій, о которыхъ съ восхищеньемъ упоминаютъ современники. Нѣкоторыя изъ нихъ дожили и до нашего времени и въ гораздо лучшей сохранности, чѣмъ домъ и ворота въ Ломовскомъ переулкѣ, но ни одно изъ нихъ не останавливаетъ такъ вниманья, ни одно не овѣяно такъ творческимъ вдохновеніемъ большого мастера, какъ, можетъ быть, доживающіе послѣдніе дни, остатки Демидовскаго дворца.

Есть всегда что-то особенно привлекательное въ красотѣ, обреченной на гибель...

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Деревянная церковь Вознесенія. 1653. г.

Торжокъ.

Когда-то одинъ изъ пригородовъ Новгорода, жившій въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ нимъ Торжокъ долженъ былъ въ древности имѣть много памятниковъ новгородскаго строительства. Богатый и торговый городъ, онъ рано началъ украшаться каменными храмами; въ новгородской лѣтописи подъ 1364 годомъ уже находимъ сообщеніе о томъ, что въ этотъ годъ: «Поставиша въ Торжку церковь каменну во имя святаго Спаса Преображенія господа нашего Іисуса Христа, а замышленіемъ богобоязливыхъ купецъ Новгородскихъ, а потягнутіемъ всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, а на зиму священа архіепископъ новгородскій Алексѣй и попы и съ діаконы и съ крылосомъ святыя Софіа».

Само собой разумѣется, что соборъ, выстроенный по иниціативѣ Новгородскихъ купцовъ, долженъ былъ носить на себѣ всѣ характерныя черты строительства ихъ родного города. Но не только соборъ, а и всѣ другія церковныя и гражданскія зданія въ Торжкѣ строились новгородскими мастерами; по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ есть указаніе на то, что послѣ бывшаго въ 1372 году пожара «идоша новгородцы въ Торжекъ городъ ставити»—«городъ», т.-е. городскія стѣны, крѣпость, остатки которой были видны въ Торжкѣ въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка. Объ этомъ упоминаетъ въ «Географическомъ словарѣ» Щекатовъ: «въ Торжкѣ находится,—пишетъ онъ,—старинная крѣпость, обнесенная земленымъ валомъ. На городскомъ валу построена была стѣна съ каменными и деревянными башнями, которыхъ развалины и до нынѣ еще видны»...

Но большое разочарованіе постигло бы того, кто вздумалъ искать въ Торжкѣ памятниковъ эпохи новгородскаго владычества: все что было создано въ городѣ въ это время исчезло такъ основательно, точно сметено съ лица земли. Жизнь стараго Торжка,—новаго Торга, какъ онъ назывался

первоначально,—слишкомъ мало давала возможности сохранить въ неприкосновенности древнія сооруженія; слишкомъ пестрятъ страницы его исторіи сообщеніями о томъ, что то «городъ погорѣ весь», то тотъ или другой враждующій съ Новгородомъ князь бралъ Торжокъ и «бысть тогда пагуба велика христіанамъ», дома сжигались и разрушались, жителей убивали или уводили въ плѣнъ.

Не миновали Торжка и татары; двѣ недѣли безуспѣшно осаждали они сильную, хорошо вооруженную крѣпость, но въконцѣ концовъ «поганіи взяша градъ и изсѣкоша вся отъ мужска полу и до женска іерейска чинъ весь и черноризьскыи, а вся изобнажено и поругано, горькой и бѣдной смертью предаша душа своя Господеви» [1]...

Можно пожалѣть о томъ, что такъ неудачно для сохраненія архитектурныхъ созданій, сложилась жизнь Торжка. Этотъ городъ, уже въ XI вѣкѣ бывшій по преданію богатымъ и многолюднымъ, долженъ былъ имѣть храмы, не менѣе прекрасные и своеобразные, чѣмъ тѣ, что сохранились въ Новгородѣ и Псковѣ...

Когда пала самостоятельность Новгорода и съ нимъ всѣхъ подвластныхъ ему городовъ и въ область преданія отошло «республиканское правленіе» и своевольное обращеніе народа съ князьями—эти вольные и богатые города утратили всякое значеніе; вмѣстѣ съ другими и Торжокъ, разграбленный и разгромленный, дошедшій постепенно до положенія небольшого уѣзднаго города.

Съ этого времени уже не строили въ немъ больше прекрасныхъ величественныхъ храмовъ, а тѣ что уцѣлѣли при по жарахъ и разгромахъ ветшали и разрушались. Почти всѣ, существующія теперь въ Торжкѣ церкви, за очень небольшимъ исключеніемъ, выстроены въ XVIII вѣкѣ, преимущественно во второй половинѣ его, послѣ уничтожившаго большую половину города пожара 1767 года. Художественнаго интереса эти церкви не представляютъ: онѣ строились въ «новомъ стилѣ», но въ довольно провинціальномъ и упрощенномъ его толкованіи.

Дольше другихъ старинныхъ зданій Торжка просуществовалъ Преображенскій соборъ, но и онъ, обветшавшій до того, что грозилъ разрушеніемъ, былъ разобранъ въ началѣ прошлаго вѣка и на его мѣстѣ выстроено теперешнее зданіе.

Этотъ новый лѣтній соборъ (1815 г.), стоящій рядомъ съ нимъ теплый—во имя входа Господня въ Іерусалимъ и соборная церковь Борисоглѣбскаго монастыря—лучшія украшенія города, придающія ему своеобразный интересный обликъ.

На берегу скромной рѣчушки, на площади поросшей травой, почти чудомъ кажутся торжественные, строгіе съ внушительной колоннадой

[1]) Новгородская лѣтопись.

Фото типто гравюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Роспись купола Вознесенской церкви.

соборы. Окруженные небольшими деревянными домиками они дѣлаются еще прекраснѣе и величественнѣе и, можетъ быть, нигдѣ такъ остро не воспринимается ясная красота классическихъ построекъ, какъ въ Торжкѣ, на зеленыхъ берегахъ Тверцы...

По торжсковскимъ преданіямъ въ городѣ сохранился одинъ изъ памятниковъ новгородской эпохи: это расположенная среди города, на площади, гдѣ торговые ряды, упраздненная теперь часовня во имя Софіи-Премудрости Божьей.

Въ прежнія времена она была, какъ говорятъ, крыта тесомъ; восемь деревянныхъ столбовъ поддерживали крышу, увѣнчанную деревянной же главой съ крестомъ. По своей архитектурѣ бывшая софійская часовня крайне проста: это четырехугольное, нѣсколько суженное кверху зданіе съ неглубокими нишами по сторонамъ, вся точно вылѣпленная изъ одного куска.

Въ простотѣ формъ, въ полномъ отсутствіи украшеній и, больше всего, въ скульптурности зданія, есть дѣйствительно черты сходства съ архитектурными созданіями новгородскихъ мастеровъ. Да и посвященіе часовни во имя Софіи-Премудрости Божьей говоритъ о томъ, что она возникала въ пору близкихъ сношеній Торжка съ Новгородомъ: извѣстно, что главной, особенно чтимой, святыней стараго Новгорода была «святая Софія» соборная церковь въ честь Премудрости Божьей.

Зданье прежней софійской часовни и находящаяся на краю города интересная своей архитектурой деревянная Вознесенская церковь—единственныя въ Торжкѣ постройки, возникшія до XVIII вѣка, чуждыя классическимъ формамъ, увлекшимъ съ временъ Екатерины даже и провинціальныхъ архитекторовъ.

Вознесенская церковь значительно моложе софійской часовни: по клировой вѣдомости она основана въ 1653 году, тщаніемъ прихода. Въ 1883 году она была обновлена и, вѣроятно, тогда получила покрывающую ее теперь тесовую обшивку и вырѣзныя рамы вокругъ оконъ. Но архитектурныя ея формы были сохранены; даже въ клировой вѣдомости значится, что реставрація была произведена «по старой архитектурѣ».

Вознесенская церковь построена по довольно распростаненному въ деревянномъ зодчествѣ типу ярусныхъ церквей: на четверикѣ, являющимся основаніемъ церкви, поставлены три постепенно уменьшаю-щихся восьмигранныхъ яруса; все зданіе вѣнчаетъ луковичной формы глава, поставленная на довольно высокой узкой шеѣ. По мнѣнію И. Э. Грабаря [1]) Вознесенская церковь, вѣроятно, по недоразумѣнію названная унего «церковью Тихвинской Божьей матери близъ Торжка», въ настоящемъ своемъ видѣ

---

[1]) И. Грабарь. «Исторія русскаго искусства» т. II.

является постройкой начала XVIII вѣка такъ какъ въ ея формахъ, въ помѣщеніи для молящихся открытомъ во всю высоту башни и въ самомъ принципѣ ярусности видно вліяніе Украйны, проникшее въ московскую область, какъ извѣстно, только въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка. Принимая во вниманіе это соображеніе, нужно допустить мысль, что первоначально построенная въ 1653 году Вознесенская церковь была перестроена въ началѣ слѣдующаго вѣка.

Расположенная на краю города, на пригоркѣ, гдѣ начинаются уже зеленыя поля, окруженная невысокими деревьями сельскаго кладбища Вознесенская церковь даетъ впечатлѣніе очень легкаго и стройнаго зданія, красиваго сдержанностью и пропорціональностью своихъ формъ.

Какая громадная разница между деревянными и каменными постройками!

Послѣднія, даже при маленькихъ размѣрахъ, кажутся внушительными и крѣпкими; деревянныя—всегда легкія, точно игрушечныя, выстроенныя для забавы, для украшенія—но ни въ коемъ случаѣ не для практическихъ цѣлей. Онѣ кажутся хрупкими и непрочными и съ трудомъ вѣрится, что такая церковка могла простоять двѣсти и триста лѣтъ...

Одна изъ наиболѣе красивыхъ чертъ Вознесенской церкви—ея легкое устремленіе кверху, достигнутое умѣло выдержанными пропорціями уменьшающихся ярусовъ.

Деревянныхъ церквей, особенно въ средней полосѣ Россіи, сохранилось немного и всякая изъ нихъ, особенно такая красивая и сравнительно хорошо сохранившая свой старинный обликъ, какъ торжковская церковь Вознесенія представляютъ громадный и художественный и историческій интересъ.

Внутри Вознесенская церковь не представляетъ ничего значительнаго въ художественномъ отношеніи; въ бытовомъ же отношеніи доморощенная роспись ея купола и нѣсколько старинныхъ своеобразныхъ иконъ на стѣнахъ и въ иконостасѣ крайне любопытны.

Отъ купола съ преобладающими въ немъ краснымъ, чернымъ и бѣлыми цвѣтами, съ грубо и наивно нарисованными фигурами Бога Отца и Сына въ центрѣ и Богоматери и святыхъ вокругъ, вѣетъ лубкомъ, яркой народной картинкой.

Интересны нѣкоторыя иконы, судя по подписямъ написанныя въ самомъ концѣ XVIII или первомъ десятилѣтіи XIX вѣка, но все же трактующія взятый сюжетъ въ формѣ усвоенной отъ старыхъ иконописцевъ XVII, а, можетъ быть, и болѣе раннихъ вѣковъ. Такова икона страшнаго суда, датированная 1817 годомъ, но почти буквально воспроизводящія старинныя обработки той же темы; фигуры громоздятся одна надъ другой, сверху ближе къ престолу Божьему — праведники, внизу вокругъ змѣя — грѣшники, уже получившіе возмездіе за свои грѣхи: одни горятъ въ вѣчномъ огнѣ,

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Деревянное распятіе въ Вознесенской церкви. XVIII-й в.

под
зъ
исц
фи
ни
на
къ
ное
но
и
и,
ими
езн
вы
къ-
ее
ни
ся
отн
нво
др

ди
мен
ей.
кой
рно
вав
Іо
ых
ржи
окра
Вой
XV
е з
XV
рен
ак
ыр
и
нс
)

юдвѣшены за языкъ, словомъ — цѣлая система пытокъ, вытекаю-
зъ сущности каждаго караемаго грѣха. И какъ дѣлалось старыми
ісцами, не довѣряя сообразительности зрителей, художникъ надъ
фигурой дѣлаетъ пояснительную надпись. Совершенно въ духѣ
иконописи написаны фигура царя Мельхиседека въ иконостасѣ,
і на стѣнѣ иконы Благовѣщенія и пророка Иліи съ довольно де-
ѣъ изображеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ его жизни. Интересно
ное скульптурное распятіе съ умѣло сдѣланнымъ Христомъ и сто-
по сторонамъ креста фигурами. Фономъ служитъ доска съ разбро-
і по ней, нарисованными орудіями мученій Христа: молоткомъ,
и, клещами, бичомъ, губкой на копьѣ и т. д. съ объяснительными
іми надъ каждымъ предметомъ.
езначительныя по своимъ художественнымъ достоинствамъ перечис-
выше священныя изображенія Вознесенской церкви хороши тѣмъ,
ъ-то особенно вяжутся съ общимъ ея обликомъ, дополняютъ соз-
е ею впечатлѣніе безыскусственности и простоты.
ни интересны еще и какъ показатель того, какъ долго провинція
ся усвоенныхъ однажды художественныхъ традицій, какъ медленно
тно разрываетъ съ ними. Въ пору расцвѣта академической религіоз-
ивописи, торжковскій иконописецъ любовно и старательно воспроиз-
древне-русскія традиціонныя священныя изображенія...

динъ изъ красивыхъ уголковъ Торжка — Борисоглѣбскій монастырь,
мени своего возникновенія одинъ изъ старѣйшихъ въ Россіи мо-
ей. Онъ основанъ въ 1038 году, почти одновременно съ Кіево-
кой лаврой, преподобнымъ Ефремомъ, бывшимъ конюшимъ у кня-
риса и Глѣба. Въ томъ же году, по преданію была построена просу-
вавшая до 1784 года, каменная церковь во имя св. Бориса и Глѣба
о теперь отъ бывшихъ когда-то въ монастырѣ старинныхъ де-
ыхъ и каменныхъ построекъ не осталось ничего. Онъ раздѣлялъ
ржкомъ его бурную и кровавую судьбу — сжигался и разрушался
кратно.
вой современный видъ Борисоглѣбскій монастырь принялъ въ те-
XVIII и перваго десятилѣтія XIX вѣка; единственное болѣе
е зданіе—теплая Введенская церковь, построенная въ первой поло-
XVII вѣка, какъ полагаютъ въ 1620 году, но и она измѣнена
енным къ ней позднѣе придѣломъ.
акъ большая часть русскихъ старинныхъ обителей, Борисоглѣбскій
ырь представляетъ собою живописную архитектурную группу, состав-
изъ зданій разныхъ эпохъ и стилей...
акъ-будто ничѣмъ не связанные, все же чудесно гармонируютъ
дополняютъ другъ друга высокая классическая колокольня и при-

Фото-типо-гравюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Борисоглѣбскій мужской монастырь.

земистая Введенская церковь; угольная башня, напоминающая пестрыя постройки Москвы XVIII вѣка и строгій, величавый соборъ.

Очень хорошо и мѣстоположеніе монастыря, на горѣ, на высокомъ берегу Тверцы: внизу по откосу примостились маленькіе обывательскіе дома, еще ниже узкой лентой проходитъ спокойная рѣка, когда-то свидѣтельница кровавыхъ побоищъ, послѣ которыхъ много труповъ «безъ вѣсти поплыли внизъ по Тверцѣ...»

Въ центрѣ монастырскихъ строеній — Борисоглѣбская соборная церковь, заложенная въ 1785 году по проекту Н. А. Львова (1751—1803 г.) талантливаго архитектора-самоучки, одного изъ первыхъ представителей строгаго классицизма.

Капризомъ судьбы кажется вся исторія построенія этого великолѣпнаго храма въ монастырѣ небольшого уѣзднаго города. Закладка церкви, сопровождавшаяся большими торжествами происходила въ присутствіи Императрицы Екатерины и всего двора (до сихъ поръ въ монастырѣ хранятся лопатка и молотокъ, при помощи которыхъ государыня положила первый камень); ее строили по проекту большого мастера, а впослѣдствіи украсилъ иконами лучшій художникъ этого времени—Боровиковскій. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ нѣтъ и малѣйшаго налета провинціализма; и снаружи и по внутренней своей отдѣлкѣ онъ вполнѣ законченное, высокохудожественное произведеніе искусства.

Снаружи это большое четыреугольное зданіе съ портиками изъ дорическихъ колоннъ со всѣхъ сторонъ, съ низкимъ широкимъ куполомъ. По угламъ четыре маленькія круглыя главки, совершенно не нужныя для общаго замысла, возникшія только какъ дань традиціонному пятиглавію соборныхъ церквей.

Работая надъ Борисоглѣбскимъ соборомъ, Львовъ, какъ впрочемъ и въ другихъ своихъ работахъ: въ соборѣ св. Іосифа въ Могилевѣ и въ церкви села Никольскаго (Тверской губ., Новоторжскаго уѣзда), является чистымъ классикомъ, совершенно чуждымъ какой бы то ни было связи съ пышнымъ искусствомъ предыдущей эпохи. Ему нравятся только строгія, грузныя формы, гладкія стѣны, массивныя дорическія колонны. Борисоглѣбскій соборъ всѣмъ своимъ наружнымъ видомъ рѣзко отличается отъ обычнаго, вѣками выработавшагося въ русской архитектурѣ, церковнаго сооруженія; въ немъ ничто, если не считать маленькихъ угловыхъ главокъ и крестовъ не напоминаетъ православной церкви; строя его художникъ вдохновлялся античными величавыми храмами...

Внутри соборъ очень красивъ строгой выдержанностью и какой-то благородной простотой отдѣлки: хороши иконы работы Боровиковскаго, мастерски написанныя, хотя, какъ все что выходило изъ подъ кисти этого художника, нѣсколько манерныя и сентиментальныя; хорошо отсутствіе

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

Торжокъ. Борисоглѣбскій мужской монастырь.

яркихъ кричащихъ красокъ, обилія золотыхъ и серебряныхъ украшеній—ризъ, кіотовъ и т. п...

Введенская церковь—довольно обычнаго для строительства первой половины XVII вѣка типа; небольшая однокупольная церковь, главное украшеніе стѣнъ которой составляютъ оконные наличники.

Рядомъ съ ней не высокая, трехъярусная колокольня, крытая восьмигранной шатровой крышей. Архитектура ея довольно своеобразна и не даетъ возможности опредѣленно отнести ее къ той или другой эпохѣ. Возможно, что она построена одновременно съ Введенской церковью, но позднѣе подверглась передѣлкамъ.

Въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія монастырь былъ обнесенъ существующей и до нашего времени каменной оградой съ двумя башнями на углахъ. Одна изъ нихъ, расположенная на сѣверо-восточномъ углу, была передѣлена при архимандритѣ Антоніи (1864—87 г.) и приспособлена для помѣщенія въ ней монастырской библіотеки. Къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ указаній на то, когда башня приняла свой современный оригинальный обликъ.

Строитель ея, повидимому, задался цѣлью воспроизвести для Торжковскаго монастыря замысловатыя формы московскихъ построекъ конца XVII вѣка, устроить изъ башни сооруженіе, напоминающее нарядную Красную башню Троицкой Лавры и другія современныя ей башни и колокольни. Въ результатѣ получилось зданіе довольно красивое, но только отдаленно, только развѣ общимъ впечатлѣніемъ напоминающее произведенія «московскаго барроко». Мало старо-московскаго въ отдѣлкѣ оконъ, въ островерхихъ аркахъ, заканчивающихъ два нижнихъ этажа, въ узкой круглой башенкѣ, образующей верхній ярусъ.

Одно изъ лучшихъ зданій Борисоглѣбскаго монастыря, — надвратная во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа церковь съ колокольней, выстроенная въ 1804—11 годахъ взамѣнъ бывшей здѣсь съ 1684 г. Воздвиженской церкви. Ее строилъ самоучка-архитекторъ Ананьинъ [1]).

Судя по колокольнѣ Торжковскаго монастыря, это былъ хорошій мастеръ, не чуждый смѣлымъ и оригинальнымъ замысламъ, связанный со школой Казакова.

Интересна мысль поставить колокольню не рядомъ съ церковью, а надъ ней, въ центрѣ, вмѣсто средней большой главы.

Самая церковь—хорошій образецъ того типа классическихъ церквей, который въ 10-хъ годахъ прошлаго вѣка получилъ такое широкое распространеніе; только съ восточной стороны, вмѣсто находящагося на другихъ

---

[1]) В. Колосовъ «Краткое описаніе Тверского музея. Третья комната». Тверь. 1912 г. стр. 1.

сторонахъ дорическаго портика, сдѣланъ круглый алтарный выступъ, обозначенный идущими въ одинъ второй этажъ парными колоннами.

Совершенно не нужными, вызванными вѣроятно только уваженіемъ къ традиціи, являются поставленныя по угламъ маленькія главки; онѣ расширяютъ нижній ярусъ колокольни и дѣлаютъ его болѣе тяжелымъ и разлатымъ; этотъ ярусъ, въ которомъ собственно и помѣщаются колокола, довольно простъ, украшенъ только колонками по угламъ; зато очень красивъ верхній, имѣющій чисто декоративное значеніе, представляющій собой круглую, состоящую изъ колоннъ сквозную бесѣдку. Эта бесѣдка придаетъ всему зданію изящный и легкій видъ...

Въ вѣдѣніи Борисоглѣбскаго монастыря находится расположенная на городской площади около моста небольшая церковка во имя Животворящаго Креста. До 1814 года церковь, бывшая до конца XIX вѣка часовней, была деревянной; въ этомъ году перестроена изъ камня.

Есть свѣдѣнія о томъ, что эту часовню, построенную въ память пребыванія въ Торжкѣ Императрицы Екатерины строилъ Львовъ, авторъ проекта Борисоглѣбскаго монастырскаго собора [1]). Повидимому, имъ была выстроена первая, деревянная часовня, т. к. принимать участія въ сооруженіи каменнаго зданія онъ не могъ: (Львовъ умеръ въ 1803 году). Такимъ образомъ вопросъ о томъ, кто строилъ торжковскую часовню остается нерѣшеннымъ.

Это—зданіе очень красивое по первоначальному замыслу, сильно впрочемъ искаженному позднѣйшими пристройками, деревяннымъ крыльцомъ, маленькой, деревянной же колоколенкой и т. д.; оно выстроено по типу храмовъ—ротондъ, круглое, обнесенное поддерживающими крышу коринфскими колоннами.

Ко времени пребыванія Екатерины въ Торжкѣ мѣстное преданіе относитъ и зданіе женской гимназіи, бывшее будто бы Императорскимъ путевымъ дворцомъ. О томъ, что такой дворецъ дѣйствительно существовалъ есть указаніе въ «Географическомъ словарѣ» Щекатова [2]), да и площадь, на которой помѣщается гимназія до сихъ поръ зовется «дворцовой». Торжковскій «дворецъ»—небольшой, двухъэтажный домъ, съ фасадомъ, украшеннымъ колоннами, очень скромный и незначительный, ничѣмъ не напоминающій не только дворецъ, но даже богатый барскій домъ Екатерининскаго времени...

На берегу Тверцы, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину находился торжковскій кремль, стоятъ теперь два громадныхъ классическихъ собора: Спасо-Преображенскій и во имя Входа Господня во Іерусалимъ, въ ясные солнеч-

---

[1]) «Историческая выставка архитектуры». Илюстрир. изданіе 1911 г. стр. 57.
[2]) Щекатовъ, «Географическій словарь». Т. III.

Фотс-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Соборъ во имя Входа Господня во Іерусалимъ (1837 г.) и Спасо-Преображенскій соборъ. (1815 г.)

ные дни живописно отражающіеся въ водѣ и составляющіе красивый контрастъ съ окружающей скромной обстановкой.

Берегъ Тверцы съ расположенными на немъ группами Борисоглѣбскаго монастыря и соборовъ лучшее по красотѣ мѣсто Торжка, производящее совершенно особенное, своеобразное впечатлѣніе. Такъ неожиданно красиво вырастаютъ на фонѣ патріархальной и сѣрой окружающей жизни мощные и ясные силуэты классическихъ храмовъ...

Спасо-Преображенскій соборъ имѣетъ за собой долгую, многовѣковую исторію. Время его первоначальнаго основанія относится къ 1364 году, когда онъ былъ выстроенъ, какъ говорилось выше, по иниціативѣ новгородскихъ купцовъ. Часто подвергаясь раззореніямъ, онъ подновлялся неоднократно, но основныя свои формы сохранилъ до начала XIX-го вѣка, когда былъ окончательно разобранъ. Уже къ царствованію Екатерины Великой Преображенскій соборъ сильно обветшалъ и нуждался въ коренномъ ремонтѣ, если не полной перестройкѣ.

Въ 1780 году высочайшимъ указомъ на имя новгородскаго и тверского генералъ-губернатора Сиверса было повелѣно отпустить 7000 рублей на устроеніе новаго собора въ Торжкѣ; но въ 1782 году эти деньги велѣно было ассигновать на сооруженіе соборной церкви въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ; а дляг ородского собора составить смѣту и планъ и представить на разсмотрѣніе государыни.

Былъ ли составленъ планъ и какая судьба постигла его—неизвѣстно, но только соборъ остался въ прежнемъ состояніи и всякія сообщенія о сооруженіи на его мѣсто новаго прекращаются до десятыхъ годовъ XIX-го столѣтія.

Въ 1810 году новоторжцы обратились къ тверскому генералъ-губернатору принцу Георгію Ольденбургскому съ просьбой исходатайствовать у Государя пособіе для постройки новаго собора и приложили планъ и фасадъ предполагаемаго зданія.

Въ продолженіе нѣсколько лѣтъ тянется переписка; отъ мѣстнаго городского общества требуютъ изъ Твери точно составленной смѣты; спрашиваютъ о количествѣ собранныхъ денегъ и т. д. и только въ 1812 году новоторжское духовное правленіе получаетъ разрѣшеніе разобрать обветшавшій соборъ и изъ Твери присылаютъ просмотрѣнный архитекторомъ и утвержденный принцемъ Ольденбургскимъ «планъ и фасадъ».

Однако старое зданіе собора простояло еще три года и только въ 1815 году приступили къ разборкѣ его и къ закладкѣ новаго. Мѣсто, на которомъ назначено было построить новый соборъ было расчищено отъ загромождавшихъ его строеній. Здѣсь раньше былъ кремль — центръ всей городской жизни,—и на небольшомъ клочкѣ земли ютилось, какъ во всѣхъ старыхъ кремляхъ, многое-множество всякихъ строеній.

Есть рядъ указаній на то, что кромѣ жилыхъ строеній вокругъ Преобра-

женскаго собора стояли нѣсколько, преимущественно, деревянныхъ церквей. Такъ писцовая книга, составленная въ 1625 году Потапомъ Нарбековымъ, упоминаетъ находящіяся около собора деревянныя церкви св. Афанасія-Кирилла и Николая Чудотворца; показанія причта о пожарѣ 1742 года называютъ еще церковь св. Іуліаніи—мученицы и т. д.

Работы по постройкѣ и внутренней отдѣлкѣ собора были закончены къ 1822 году и въ этомъ году новое зданіе было освящено.

Совершенно не выясненымъ является вопросъ, кто же былъ строителемъ Преображенскаго собора, кто составлялъ его проектъ? Свѣдѣнія, имѣющіяся на этотъ счетъ у соборнаго духовенства—единственный источникъ для исторіи собора—упоминаютъ только о томъ, что смѣту, вытребованную у новоторжскаго городского общества тверскими властями, составлялъ архитекторскій ученикъ Иванъ Мокшевъ. Не онъ ли былъ и авторомъ проекта, просмотрѣннаго архитекторомъ принца Ольденбургскаго, т.-е. Росси повидимому, потому что въ это время онъ уже былъ командированъ къ тверскому генералъ-губернатору...

Неизвѣстный авторъ проекта новоторжскаго собора, если только не предполагать, что проектъ былъ значительно исправленъ тверскимъ придворнымъ архитекторомъ, долженъ былъ быть хорошимъ мастеромъ, вполнѣ усвоившимъ классическіе идеалы красоты и хорошо владѣющимъ техникой. Въ соборѣ совершенно нѣтъ провинціализма, такъ часто губящаго хорошо задуманныя зданія.

Преображенскій соборъ — пятикупольное зданіе, съ классическими портиками со всѣхъ четырехъ сторонъ, почти тождественное не только въ основныхъ формахъ, но и въ деталяхъ съ Рождественской соборной церковью Тверского женскаго монастыря, постройка которой велась одновременно съ постройкой торжковскаго собора, въ 10-ыхъ годахъ прошлаго вѣка. Сходство между обѣими церквами такъ велико, что трудно даже допустить мысль, что ихъ строили разныя лица, да и мало вѣроятнымъ представляется, чтобы разнымъ мастерамъ пришелъ въ голову совершенно одинаковый замыслъ.

Становится очевиднымъ, что если планы и составляли разныя лица, имъ придало единство то, что оба проекта просматривались, и весьма вѣроятно, и исправлялись въ Твери, однимъ изъ архитекторовъ, бывшихъ при принцѣ Ольденбургскомъ, т.-е. Росси или кѣмъ-либо изъ его двухъ помощниковъ.

Благодаря обязательному представленію всѣхъ проектовъ, выработанныхъ мѣстными архитекторами, на просмотръ въ Тверь, города Тверской губерніи такъ богаты хорошими памятниками Александровскаго классицизма. На всѣхъ зданіяхъ, строившихся въ это счастливое для русскаго зодчества время, лежитъ печать большого мастерства и тонкаго художественнаго вкуса. Хотя бы и косвенно надъ ними работала рука настоящаго художника...

Фото-тинто-грабюра Т-ва „Образованіе"

Торжокъ. Иконостасъ Спасо-Преображенскаго собора. 1822 г.

Къ 1822-ому году Преображенскій соборъ былъ совершенно законченъ, даже и внутренней отдѣлкой. За все время своего существованія онъ мало подновлялся и измѣнялся; была только возобновлена стѣнопись и бывшій прежде бѣлымъ иконостасъ покрылся аллюминіемъ.

Внутреннее убранство Преображенскаго собора было бы красивымъ даже и не въ церкви маленькаго уѣзднаго городка, здѣсь же оно поражаетъ, кажется великолѣпнымъ и царственнымъ.

Какъ и въ наружномъ видѣ собора, въ его внутренней отдѣлкѣ мало оригинальнаго: такъ украшающія его пилястры капители и колонны—не являются созданіемъ личнаго вкуса, индивидуальнаго творчества работавшаго надъ ними мастера. Во всемъ сказался стиль, выработанный эпохой, создавшій прекрасные образцы, которымъ подражали всѣ тѣ, кто не умѣлъ или не могъ быть творцомъ, не умѣлъ самъ дѣлать изъ своихъ произведеній образцовъ...

Рядомъ съ Преображенскимъ соборомъ находится другой, теплый, соборъ во имя Входа Господня во Іерусалимъ, заложенный въ 1837 году въ день рожденія императора Николая и законченный постройкой въ 1842 году.

Массивный по своимъ размѣрамъ теплый соборъ мало интересенъ въ художественномъ отношеніи. Это грамотно-сдѣланное зданіе, составляющее вмѣстѣ съ Преображенскимъ соборомъ величественную и красивую архитектурную группу, само—по себѣ совершенно не представляетъ чего-нибудь яркаго, оригинальнаго, художественно-значительнаго.

Указатель памятниковъ:

Калуга.

	Стр.
Георгія за Верхомъ церковь	14
Коробовыхъ домъ	16
Московская застава	19
Віадукъ	20
Присутственныя мѣста	—
Гостиный дворъ	21
Св. Троицы соборъ	—
Кологривовыхъ домъ	22
Чистоклѣтовыхъ домъ	24
Государственнаго банка домъ	26

Тверь.

Бѣлой Троицы церковь	36
Отрочь монастырь	—
Иліи Пророка церковь	38
Спасо-Преображенскій соборъ	39
Колокольня собора	40
Судебная площадь	41
Дворецъ	42
Знаменія Богородицы церковь	43
Рождественскій монастырь	44
Вознесенія церковь	45
Дворянское собраніе	—
Застава	—
Тверской музей	46

Тула.

Кремль	54
Похвалы Богородицы церковь	55
Колокольня собора	56
Успенскій соборъ	—
Демидовыхъ домъ	57

Торжокъ.

	Стр.
Борисоглѣбскій монастырь	65
Борисоглѣбскій соборъ	66
Вознесенская церковь	63
Входа Господня во Іерусалимъ соборъ	71
Дворецъ	68
Животворящаго креста церковь	68
Софійская часовня упраздненная	63
Спаса Нерукотвореннаго церковь и колокольня	67
Спасо-Преображенскій соборъ	6[illegible]

Списокъ фото-тинто-гравюръ:

Калуга.

	Стр.
Церковь Георгія за Верхомъ	5
Домъ Коробовыхъ	6
Московская застава	8
Гостиный дворъ	10
Проѣздная арка присутственныхъ мѣстъ	14
Домъ Кологривовыхъ	16
Домъ Кологривовыхъ -деталь	18
Домъ Чистоклѣтовыхъ	20
Домъ Мѣшкова	22

Тверь.

Церковь Бѣлой Троицы	26
Преображенскій соборъ и колокольня	28
Судебная площадь	32
Дворецъ	34
Дворецъ, деталь	36
Входъ церкви Знаменія	38
Рождественскій монастырь	42
Залъ Дворянскаго собранія	44
Застава	46

Тула.

Кремль	50
Церковь Похвалы Богородицы	52

Стр.

Успенскій соборъ 54
Ворота дома Демидовыхъ 56
Домъ Демидовыхъ 58

Торжокъ.

Вознесенская церковь 60
Вознесенская церковь, куполъ 62
Вознесенская церковь, деревянное распятіе 64
Борисоглѣбскій монастырь 66
Городскіе соборы 68
Внутренній видъ Преображенскаго собора 70

Оглавленіе.

	Стр.
Калуга	7
Тверь	27
Тула	51
Торжокъ	61

Выпускъ. V11

Обложка и всѣ рисунки исполнены въ собственномъ Графическомъ Институтѣ Т-ва „ОБРАЗОВАНIЕ" ФОТО-ТИНТО-ГРАВЮРОЙ.